

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

УЙТИ В ЗАРЮ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Лениздат
1985

РУСЬ ЗВЕЗДНАЯ

На неостывших ворохах золы
Глазастятся хоромы в хлябь дороги.
И обгоняют

клекот свой

Орлы,
И облетают месяц круторогий.

Прямущие
Железные столбы
И дедовский

извилистый проселок,
И бражная распахнутость гульбы,
Расплесканная в хате новоселов.

Ржут битюги стальные — трактора,
Мчат рысаки в огнях — автомашины.
И — с «Маршем космонавтов» —

детвора,

И стародавний тенор петушиный.

Селенья,
будто вздох судьбы славян:

Вир,
Нельгино,
Красуха,
Слёзы,
Доля...

Над пустырем вознес ручищу кран,
И здравствования ждут ладони поля.

Жив
на кресте путей
Часовник сруб —
Сутулится под мохом
Смутным эхом.

И с ним бок о бок — трехэтажный клуб,
Залитый электричеством и смехом.

И слёт звезды, сгорающей дотла,
И взлет звезды, зажженной человеком.
И наша жизнь

уж тем одним светла,
Что носит в чреве
Встречу с Новым Веком.

КАНУН

Из поэмы «Плач по Красухе»

Сладко-гулко, серебряно
Иволга ведет.
И не поздно. И не рано.
Виночерпий-клевер рьяно
Разливает мед.

Проливает, не скупится,
Благостно ядрен.
И не иней сед вдовица —
Жар-сирень, дивья-девица
Смотрится в затон.

Ждет, томленьем перегрета,
Свет пчмелей-сватов.
Колдовски дарины лета.
День — сиреневого света
От сирень-цветов.

Все заулки и задворки —
Лиловень-садок.
Дали явственны и зорки:
Все ложбины и пригорки —
Верст за пять — у ног.

В быстротечной жажде вечной
Плещет цвет июнь —
Свой, не встречный-поперечный,
Беспечальный и беспечный, —
Безоглядно юн.

Доведись мне — номер вышел —
Повитать в раю,
Угожу ль куда поближе,
Хоть на Марсе, хоть в Париже —
Это ж запою.

Далеко до тьмы покуда —
До концов-краев.
Здесь ничуть-то мне не худо —
Петь ли, плакать, ждать ли чуда —
Без любых раев.

Потихоньку жив курилка,
Сам себе большой,
Как в разлужье травка-былка,
Как шиповник у развилка,
Только что — с душой.

Любо пить хмельную сладость,
Весело грустить!
И, как солнце, светоч-радость,
Ненагляду-неоглядность,
В бреги не вместить.

Неречистый, безответный,
Как мое «ау!»,
Край родимый, край заветный,
Чужанину незаметный —
Чудо наяву.

Тает зной по косогорам —
Сразу и не вдруг.
И мечтой о счастье скором,
И смиренным вздох-укором
Полон всякий звук.

Отработал, отглаголил,
Откипел денек —
Никого не обездолил.
Разгорается над полем
Дымчатый тенек,

Шебаршит и балагурит,
Горьковат чуть-чуть;
Сизый ладан речка курит;
Жаркий зрак Светило жмурит;
Времечко вздремнуть.

Воля нежит и баючит
Нежный буйноцвет.
Дня царапки не болючи,
И пока ни малой тучи
Вроде нет как нет.

Входит, крадучись, прохлада,
Добру ночь суля.
Ладно взмучивает стадо.
Мир. Усталинка. Отрада.
Русская земля.

* * *

Так ласково день догоревший,
Так мирно отходит ко сну.
И ветер, как хмель присмиривший,
Прилег до утра под сосну.

И мнится: в доверчивом мире
Ни крови, ни ярости нет.
Но утро прольется в четыре,
И смерч зашалеет чуть свет.

Свинцом раскаленным подует,
Свирепый тротил хлобыстнет,
Разверстая кровь забедует,
И кто-то судьбу проклянет,

Кого-то надежда обманет,
Кого-то Звезда озарит,
И кто-то вовеки не встанет,
И кто-то в огне не сгорит.

Но это потом. А покуда —
На целых четыре часа —
Покоя предоброе чудо,
Как веки, смежает леса.

Мы тоже ведь чада природы,
Нам тоже не грех прикорннуть.
Еще окаянные годы
Пошлют нас в пылающий путь.

Давайте с тревогой простимся,
Не будем гадать о судьбе,
Под тихой сосной приютимся —
Не время тужить о себе.

В дремоте бугры и ложбины,
Не знают ни зла, ни вины...
Полтыщи шагов до чужбины.
Четыре часа до войны.

* * *

Не признает июнь разлада,
Как луч не ведает узла;
Рань, как роса, рясна и рада,
Уйди в нее, войди —
уследа!

Живи, добро!
Не надо зла!

Сник ветерок окрай Красухи,
Безгромно

спит аэродром.
И у заряны-веселухи
Ни гореванья,
Ни порухи —
Одно-одним добро-добром.

Аэродром
повили тени,
Тонки, прозрачны и зыбки;
И тишина — тиха до звéни;
И, как шатры у Веретени,
В чехлах «ТБ» и «ястребки».

Пока не день, да и не ночка —
Еще не спит сычок:
«Сплю-сплю!»
Но дреме не дана отсрочка,
И жаворонок-одиночка
Полощет горлышко:
«Люблю!»

А сон силен об эту пору,
Глубок. И синь, что окоем.
Но коротко,
 без разговору,
По вымытому косогору
Трубач велит уже:
 «Подъем!»

Страда зовет.
 Встают солдаты.
Ровняют косы на плечах.
А травы часты и кудлатые,
А бровушки у дев крылатые,
И «пред»
 бранится вгорячах.

Да может быть, и не бранится —
Шуткует.
 Делу не во вред.
А наверху — все звонче птица,
Внизу — все явственней земляца...
— А ну, солдат!
— Вопросов нет.

— Тут не ать-два подметкой шпарить,
Не артикул ружьем творить.
Постой-ка вровень,
Спробуй, парень, —
В два счета, родненький, упарю...
— Давай,
 чего зазря корить!

Пошли! И кто кого удале?
Им в этот миг
 сам черт не брат!

Всё шире,
Всё ровней,
Всё дале —
Пошли, пошли, пошли!
 Наддали!
— А ну, поторопись, солдат!

Круты, жарки, чистоголосы
Гуляют плечи:
 «Свись-посвись!»

Жужжат в руках стальные осы,
У ног

 саженные прокосы
Ложатся...
— «Пред», отсторонись!

И дню — лишь час.
И жить не поздно.
И ходят плечи:

 «Ай-ай-ай!..»
Ромашки — солнечные слезы, —
И кашки — росные стрекозы —
Взлетают.
— «Пред», не отставай!

А «пред»
 винится хитровато:
— Мастак работать! Ну и ну!
Рук занимать — не бечь куда-то:
Найдется дело для солдата,
Хоть вовсе отменяй войну!..

Велю свой пыл угомонить я:
Тут всеобычная статья,
Не разособые события —
Новь — от наива до наитья,
Жизнь — от житухи до житья!

* * *

Покос, покос! —
 страда-признание,
Возликование труда,
Людей прозрение и дерзанье,
Души и мускулов призванье —
Без сожаленья и стыда.

У дел безделью нет резона,
Хоть раскакой-сякой
 ни будь —
Хоть хитромудрый, хоть простёна...
Взяті свое взопла Настёна —
«Дать красушанам прикурнуть!»

Не рохля-горечь,
 не разиня, —
Как луг, зорка и медовá,
Грехоопасна, как ягиня,
Горда и статна, как княгиня, —
Ужель и званья, что — вдова?

Ах, кто ты там,
 какое дело
Насущну делу до того.
Не званьям лето порадело,
Не званьям — былль-травой вскипело:
Коси, и больше ничего!

— Товарищ целеуказатель —
Райкома первый секретарь!
Ляксандр Филиппыч — председатель!
И мой совместный проживатель —
Егор, вазнобушко...
 хоть вдарь!

Не на вожжу, на всю упряжку
Вас напрягаю —
 сразу трех!
А кислу щавель — Дуньку-Машку —
Не обделю.
 Дай, Гош, фуражку,
На — ягод: посласти дурех!

Ну, а теперь держитесь, беси,
Ух, позарюем над рекой! —
И вдруг: ни ревности, ни спеси,
Ни о судьбе
 болочей греди,
Ни жажды мести никакой...

О чародейная работа,
На сердце —
 цветь и небеса,
Беспечность,
Воля
И свобода.
А и всего-то, и всего-то:
«Коси, коса! Коси, коса!»

И даже муторная Софья
Знай точит косу:
 — Благодать!.. —
И стóящих не знаю слов я:
Как — без хвалебства-суесловья —
Вам
По заслугам честь воздать.

И все, как есть, на свете белом,
Вокруг и около,
 до дна,
Душой бессмертной,
Смертным телом
Уже — ужели — за пределом
Добра и зла?
 И чья вина?

* * *

Жребий брошен,
Переполнилась чаша —
Двенадцатый час бьет.
Растерянно,
Неистово,
Страшно,
Неслыханно
 кричал льнозавод:
— Война!

Еще не убила рука,
Не умерло сердце
И разум
 не беспощаден к врагам,
Но от крови уже некуда деться
Разуму, сердцу и рукам:
Война!

Еще не ведая,
 что у тех тоже
«Gott mit uns» *
Беспамятствует на ремнях,
Молились матери бедные:

* С нами бог (нем.).

— Спаси нас, боже!
В наших городах и деревнях
Война!

Что в ненависти — любовь,
В отмщенье — спасенье,
Мы — все! —
Не сегодня пойдем,
Но уже
 проклятое воскресенье
Заполыхало нещадным огнем:
«Война!»

Заполыхало,
Забезумствовало,
Заохало
И в подземельях, и в занебесной мгле;
Рвет и мечет,
 да не вокруг да около —
По земле, по земле, по земле:
Вой-на!

А дню до беды нету дела:
Как был, так и остался — днем.
И солнце
 не почернело,
Не охладело.
О это чувство:
С ясного неба гром —
Война!

Белым полднем
Рушился, рушился, рушился,
Рушился
 белый свет...
— К оружию!
— Оружия!
— Почему ружей нет? —
Война!

Ради выходного «под мухой»,
Божился,
Матюжил колхозный сторож:
— Попомнят нас:
Ей-бо, мы их...
 одним духом! —

И старой берданкой тряс.
Война-а!

— Винтовки!
 Винтовки да-айте!.. —
Гудит льнозавод,
Все гудит,
Гудит, гудит!..
— Вроде откосили, председатель?
— Я пулеметчик,
Моя косьба впереди:
Война!

Заклинали радио:
«Товарищи!
Граждане!
Люди!..»
Затравевшая площадь
 как девятый вал.

Запекались губы,
Каменели груди —
Час настал,
Час настал,
Час настал:
Война!

А народ кипел у правленья,
Пока не разгневанно,
Однако лицом потемнев.
И над площадью,
 как избавление от смятенья,
Рвался уверенный,
Разящий,
Отчаянный,
Но уже вчерашний напев:
«Если завтра
война...»

Я и сам их пел —
Холостые песни,
И сам сочинял их;
Простите,
 винюсь!
Если бы завтра,
Завтра бы если!..
Но она сегодня пронзила Русь,
Война.

И красухины жихари —
Миряне вчерашние,
А сегодня уже ратоборцев рать, —
Скорбные,
Угрюмые,
Оробелые,
Беспабашные,
Грозились

врага покарать

Войной:

Лихо и зычно,
Будто глоткой одною,
«Если завтра война...»
Грохотали,
как перед войной,
Чтобы шагнуть на дорогу
В четыре года длиною
И в двадцать миллионов жизней
ценой:

Война...

НАБАТ

Обозы, обозы, обозы —
Такое, как в дни старины.
Искромсаны в щепки березы
Нещадной секирой войны.

И стынут в тепле буйноцвета
Мужи...
Бобыли...
Сыновья...
Не сделано столько! Не спето!
А в чащу веселое лето
Вселило для них соловья.

И кажется — тучные нивы
Рыдают над каждым:
«Проснись!..»
А в селах — глухие разрывы
Да толлом пропахшая высь.

Щетинится жердь у омета
Вихрастой духмяной листвою.
А в поле частят пулеметы,
Свинец высевая густой.

И полдни черны и косматы,
И страшны,
Несчетны дымы...
Отчизна, твой ль это хаты
С окошками, полными тьмы?

Твоя ль это радость лесная?
Кладбищ вековечная грусть?
Вот этот,
как рана сквозная,
Большак в заповедную Русь?

И эти понурые люди?..
Бедует набатная весть:
Никто, кроме нас, не рассудит,
Что будет,
Что было,
Что есть!

БЕЖЕНЦЫ

Поле брошенное, бесприютное,
Город, вымерший, как погост...
Время горестное, многотрудное —
Бег из дома за тьмищу верст.

Ропщут беженцы глухо, сбивчиво,
И молясь, и слезно скорбя.
Отчего ты, даль, расплывчива? —
Нет ни облачка у тебя.

Тяжко старым, не легче мблоди —
Поневолюшке заскорбишь.
Почему ты, ветер, холоден? —
Ты же с теплых морей летишь.

Луч доверчивый с хмурь-опаскою
Проскользает по сниклым холмам.
Что ж ты, солнышко, неласково? —
Ты ведь ближе, чем летом, к нам.

Ты откуда, стекло бесцветное?
Над рекою — голубизна.
Отплескалось светло приветное:
Ноября канун — не весна.

В небо — дымы да очи грустные,
С неба — гром да сожженья чад...
Да в России ль вы, странники русские?
Ждать когда вас, когда — назад?

НА ПОЛЕ БОЯ

Глумится дым: дотла деревня.
Твоя. Дотла.
Мертва трава, черны деревья,
Металлы — зола.

Все сорок братьев — оземь с ходу
У рубежа:
Прошедшие огонь и воду,
Спят, не дыша.

А ты, живой, не спи, усердствуй,
Гори от мук,
Прижми к земле плотнее сердце,
Чтоб тише стук.

Бери патроны. Прочь их, слезы,
Оставь. Простят.
О всех рыдальщицы-березы
Отшелестят.

Пусть ноябрю ништо до смерти:
Жжет снег, бьет дождь,
Ты дышишь в гиблой коловерти.
И ты придешь.

Дойдешь, чтоб снова распрямиться,
С живыми встать.
А поле кружится, дымится,
Скликает рать!

ПЕРЕХОД

У кромки старуха осина
Хохочет, хохочет навзрыд.
Вязка ты, псковская тряпина, —
И лось не опустит копыт.

К тебе и глухарь отошальный
По клюкву не смеет летать;
Кабан — вездеход одичалый —
Обходит пропащую гладь.

Здесь — прямо, и справа, и слева —
Стоглазая целит напасть,
Бурчит ее черное чрево,
Оскалена красная пасть.

И нету нам выбора. Нету.
И можешь не можешь — иди.
— Что встали? Да лужишку эту...
Ой, мама, да здесь — до груди!..

Глумится ноябрьская стужа,
А избы, как май, далеки.
— Подсумки притягивай туже:
Патроны мочить не моги!

— Эй, зяблики, грейся от заката,
Лечебных грязей не корить...
Да кто ж вы такие, ребята?
Да как же России не быть!

РАЗВЕДКА

Пятый день мокропогодит,
Пьяный ветер колобродит;
Выйдешь — оторопь берет:
Не земля — сплошная лужа,
Под фуфайкой пляшет стужа...
— Кто на дело? Шаг вперед!

Как медведица-старуха,
Ночь буреет, мает глухо:
«Ты один? Один за всех?»

Стой: на тропах лосьих знобко!
В чаще мугорно и робко:
Ни попутчиков, ни вех.

Поверни, пока не поздно,
Там, куда идешь ты, грозно:
Встретит выстрел, в темь швырнет!..»
Черт те што... Бывает. Ветер...
Где-то люди спят на свете.
А разведке — шаг вперед!

ПОЕДИНОК

Застыли: русский паренек
И чужанин-пруссак.
Глаза — в глаза, зрачок — в зрачок,
Жар — в лед, кинжал — в тесак.

Глядят — друг друга пепелят,
Пылает кровью склеп.
Скорбящ и светел синий взгляд,
Белесый — лют и слеп.

В застенке тишь как динамит,
Крик сердца несказан.
Устал гестаповец: молчит,
Ни звука партизан.

У паренька, стально-строга,
Цепь руки сторожит,
Но парабеллум у врага
В руке дрожмя дрожит.

Не спрячешь злого страха в пол,
Не скроешь — прячь не прячь:
Ведь ты отвел, отвел, отвел
Свои зрочки, палач.

Лиха судьба — последний час,
Но что твой пистолет:
Верней, точнее чистых глаз
Оружья в мире нет.

РОДНОЕ

Владимиру Клёмину

В который раз одно и то ж,
В который —
Течет, цветет, дымитесь рожь
По косогору?

Родимый край, в который раз
Июля россыпь?
Сто лет назад, вчера, сейчас —
На зорях росы.

Все тот же галочий галдеж
Над придорожьем...
Так почему же не найдешь
Земли дороже?

Так почему же холодны
Края чужие?
А здесь — седые валуны
И те живые.

И каждый высохший плетень
Певуч и волен...
Все те же песни!
Тот же день!
Все то же поле!

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Зяблая ракета.
Сотая верста.
Гулко и сердито —
Ветер в брешь моста.

В дымной гуще тонет
Лента большака.
Притомились кони,
А кругом — снега.

Горбятся сугробы,
Бороздится гладь...
«Что вы встали? Трогай!»
Ночь. Не отставать!»

СТИХИ О ЛЮБОВИ СМУРОВОЙ

В новогоднюю ночь

Гаснет, схвачен цепким заморозком,
Мраком взят, заполонен
Чужеземным, злым, декабрьским,
Русских глаз июньский лен.

Над простором, в цепи брошенным,
Стонут очи, ночь кляня.
Не гляди, моя хорошая,
Не гляди так на меня.

Я и сам пронизан стужею,
Подступает к горлу ком,
Сердце стонет по оружию.
Дай гармошку. Запоем!

Последний большак

Недоступен лик и светел,
Взгляд — в далеком-далеке.
Что ей версты, что ей ветер
На бескрайнем большаке.

Что ей я, и ты, и все мы,
Сирый храм, и серый лес,
Эти хаты глухонемы,
Снег с напуганных небес.

Жарко ноженьки босые
Окропляют кровью лед.
Горевой цветок России!
Что ей смерть. Она идет!

БУРЯ

Разгуделась придорожная струна,
Поразохался корявый березняк.
Ой душа моя, родная сторона, —
Обезлюдевший тоскующий большак.

На отшибе сиротеет деревцо,
Плачет скорбная часовня на юру,
Прячут дали ненаглядное лицо —
Не до игрищ на кровавом на шире.

Здесь подошвы чужеземные стучат,
Кружат «адлеры», бросая сердце в дрожь.
Вихорь огненный, слепой свинцовый град,
Наше солнце все равно не заметишь.

Не сумевших от беды тебя спасти,
Мать пресветлая, распятая врагом,
Ты прости своих сынов, прости, прости!
Для тебя на все готовы: мы идем!

МОСКВА

Ты до сих пор не пересох,
Свирепый друг, Соколий мох,
Наш тяжкий вздох.

Не позабыть: брели без сил,
Свинец над нами голосил,
Казался тьмою белый свет,
А главное — патронов нет.

Отбит наш приступ штыковой,
Висит «костыль» над головой,
И за спиной —
Полк егерей глухой стеной.

Ни встать, ни лечь, ни повернуть.
Трясина: шаг ступил не так —
И все, земляк,
Огончен путь.

А впереди на нас глядит
Немая синяя беда —
Вода.
Куда идти? Куда? Куда?
Мы оседлали островок —
Сто сажень вдоль, сто поперек —
И залегли — кольцом —

В пльвун,
В дурман-богун —
К врагу лицом.

Приказ:

— Держаться до утра!
Стреляют только снайпера!
Друзья, не промахнись, а то...
— Зови Москву! Зови, браток,
Зови, радист!
Радист, радист, поторопись!

А до Москвы — полтыщи верст,
В крови, в плену, слепых от слез;
А у Москвы недобрый день,
Тяжелый час,
Ей не до нас:
Над нею враг навис, как тень,
Там от его стальных когтей
Дрожит и дыбится земля —
Ложатся бомбы у Кремля.

Ты, мать, поймешь своих детей,
Ты не осудишь нас:
Нам без тебя нельзя сейчас,
Нельзя без помощи твоей.
— Зови, радист! Зови скорей!

И ты не укорила нас:
Пришла, нашла, спасла.
Последний, может быть, припас —
Патроны — принесла.
— Пока живу, живете вы, —
Живем, хоть нелегко!..

А говорят, что до Москвы
Далёко-далекó.

ТРИФОН

Зарева и звездопад.
Не спится.
Сонь. Костер и песня на поляне:
«Ой, да за водицей шла девица,
Босиком, по соловьиной рани...»

— Тише вы: разбудите комбрига,
Он и так не спал незнамо сколько.
— Ротный, друг, чего-ништо соври-ка.
— Дядя Трифон, сáму малость только:
Расскажи, как с фон-бароном спорил.

— Ладно!..

До войны я в эмтээсе
Десять лет механиком моторил;
Знал, само собою, толк в железе.

Ворог жал:

Припер за три недели
(В сорок первом немцы были скоры).
Мы угнать машины не сумели,
Плакал, а пришлось губить моторы...

Вызнали, что мастер я.
Схватили.

Дело швах: сейчас нам, Триша, вкаты!
Ражий фриц подходит:

— Пан Васильев? —

И... подносит кружку шнапса:

— Нател!

Что тут делать? Выпил с перепуга.

Немец — леденца мне:

— Посластитель! —

Покупает задарма, подлюга:

— Рад свиданью! Битте, посадитесь!

А потом и шпрехаает, колбасник,
В выраженьях самых откровенных:
— Выбор очень прост: капут иль праздник —
Мы не терпим непокорных пленных.
Мы не зря и не шутя решили:
Будете чинить для нас машины!

За услугу я, барон фон Плётке,
Обещаю дорогой подарок:
Хлев, свинью, бутылку русской водки
И в придачу десять тысяч марок!
Плюс ден копф* на шее бы носили...

* Голову (нем.).

Тут я встал и рубанул заразе:
— Я, российский сын Три-фон Васильев,
Не согласен, фон в едином разе!

— Трижды? Фон?? —
Он вылупил бельмища:
— Драй маль фон??*—

И вдруг меня ка-ак звизднет!
Дрался, доложу вам, черта чище:
Не нагрять вы — не видать мне жизни.

— Значит, зряшно лопнула награда?
— Не совсем: горят доныне кости...
А теперь соснем чуток, ребята:
На восходе — к фон-барону в гости.

26 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА

Льву Григорьеву

Ты меня прости:
Без слез тебя оплакал.
Умидали избы, ночь горела жарко.
Под забором сваленным германская собака,
Вскинув морду в небо, сетовала жалко.

Жахали гранаты,
Дым ходил клубами,
Голосил свинец в деревне ошалелой.
Ты лежал ничком, припав к земле губами,
Насовсем доверясь глине зачерствелой.

Вот она, война:
В свои семнадцать весен
Ты уж отсолдатыл два крошечных года...
Был рассвет зачем-то... ясен и негрозен.
И дремал ты вволю после даль-похода.

* Трижды фон (нем.).

МАТЬ

Марии Васильевне Лавриковой — матери моей

«Извещаем Вас...
...за Родину...
...с врагами...»
В черной окаемке —
Пять коротких строк.
Заходила ходуном божница,
Закачалось под ногами,
Надавил на плечи горбатый потолок.

Отдышалась.
Узелок заветный развязала:
Сдунула соринку с распашонки,
Расчесала завиток волос.
Тихая, прямая, светлая стояла,
Ни полстона с пересохших губ не сорвалось.

Стала успокаивать плачущего почтальона,
Причитающих соседок проводила на крыльцо.
А кругом плясал, гудел пожар зеленый,
И огонь оледенелый бил в открытое лицо.

Вышла за калитку, огляделась:
Все как было —
То же небо, то же поле...
И, скупых не пряча слез,
Сухонькой рукой
Бумажку стопудовую сложила:
— Будет, бабоньки: развиднело,
Пора на сенокос!

◆
На последнем своем берегу,
Далеко от родного села,
Ты споткнулся на черном снегу —
Завершаешь земные дела.

Чадный воздух со всхлипом глотнул, —
«Тигр» дымит, будто чертов ушат.
Гаснет, гложет сражения гул,
В поле зори краснó мельтешат.

Потянуло парным молоком —
Сердцу нет ни разлуки, ни верст:
Покосившийся ласковый дом
Светит в ливне пронзительных звезд.

Всё, как в рани: клененок, лужок,
Ты бежишь по росе босиком,
Где-то плачет пастуший рожок —
Просто так, ни о чем, ни о ком.

Желтый звон и малиновый зной,
Синий щебет и вздох у ручья...
Здравствуй, мать! И не плачь надо мной:
Ты — во мне, дорогая моя.

ЗАСАДА

Перед утром спит огонь,
Но курки — лишь пальцем тронь.
— Бра-атцы, в хату б завернуть,
Закусить бы да курнуть.
Прикорнуть.

Одолжи чуток жмыха —
Замутило ото мха.
Э-эх! едал я... до войны
Порумянее луны
Блины!

— Чудачина человек,
Будет нам ужо ночлег.
— Ша, ребята, шум — хана... —
Натянулась, как струна,
Тишина.

Полнолуние. Снежный прах.
Плач, хохочущий в кустах.
Виден звук, и слышен цвет:
Ходят рядом тьма и свет —
След в след.

НА ПРИВАЛЕ

Длинный дождь,
Время — нож:
Поневоле — в дрожь!
Море — поле мое,
Ветрово жнивье,

Ржавь да рябь,
Зябнет зябь,
Хлобystает хлябь.
Небо, низ — всё одно:
Вздыбленное дно.

Ни устать,
Ни отстать,
А дойдешь — как знать:
Может, лечь навсегда,
Сгинуть без следа.

Далеко.
Нелегко.
— Банька впрямь — ого!
— Размоктели, дружки?
На-ка, обожги:

Погармонь,
Душу тронь,
Высеки огонь!
— Ну-ка русского, эх,
Отчубучь, не грех!

Сплясани,
Плескани!
— Ноги ни-ни-ни.
— Не жалей, хватит ног.
— Разве что — чуток.

Зачастил,
Припустил,
Дал, что было сил:
Начудил аж до слез,
Хмурь и хмарь разнес.

Будто нет
Тяжких бед,
Проклятущих лет;

Будто с гаком полста —
Что одна верста.

Душит дождь,
Только врешь:
Душу не зальешь,
Не доймешь, не уймешь —
Больно жар хорош!

В ГОСПИТАЛЕ

Приподнял голову:
— Мир вам, друзья!
Принимайте;
Вместе милей зимовать.
Мирон Петрович Синицын я,
По-свойски — Синицей-дядюшкой звать.

Вгляделся в лица:
Бойцы, свои.
— Не зря осенило: дай загляну.
Не вешать голов: я здесь, соловьи.
Выходит, свиделись.
Ну и ну!

Принес вам лекарство от стонов —
«Молчка!», —
На здоровье молчите:
Надежней нет... —
Так положили к нам новичка —
«Дядюшку» девятнадцати лет.

Кто ведает, сколько бы
Целых тел
Волшебник-хирург
Собрал из нас?
Но душ, в которых светляк теплел,
Пятнадцать в палате:
Ждали свой час.

А в окна ломился плакун-февраль,
Сжигал, лиходея, надежд мосты.
И вся наша даль,
Бескрайняя даль,

Кончалась
У самой первой версты.

И вдруг
Из клятой кромешной мглы,
Как смех ребенка, чист и высок,
Звонче безмолвия,
Тоньше иглы,
Пробился к нам вещун-голосок.

Всколыхнулся Синица:
— Тезка поет!
Братки, да это ж к теплу она,
Гляньте: на стеклах отходит лед! —
И всхлипнул по-детски:
— Вот те и на!

Ей-ей же, веснеет!
Теперь поживем:
Синицы не пробуют зря голосов... —
Он так и умер:
С веселым ртом,
С красной слезиной в щетинке усов...

Так просто, так ясно,
Не падая ниц,
Не выпустив боли в светлую даль,
Даровав нам милость —
Слушать синиц,
Любить,
Горевать,
Поминать февраль.

Последний выстрел замирает,
Последний тонет стон.
В кипящей заводи сгорают
Стальной немецкий слон.

Шестидюймовый хобот скручен —
Отвыл, отлютовал.
Вопит Земля в цепях колючих:
«Не бейте наповал!

Мне — цвель, а я черна от жути —
Зола и тлен до дна.
Зачем вы так со мною, люди?
Ведь я у вас — одна!»

Пойми, Земля, людскому званью
Совсем не все верны:
Твои верховные созданыя
Не все тебе — сыны.

Суди, какие громометы
Сожгли твой чистый брег.
Вот эти с черепами роты —
Не люди, грех и бред.

Без нас они б тебя загрызли,
Распяли б — грянь их час.
Но вырвали мы вражьи жизни.
Земля, вздохни о нас!

ПОБЕДА

В радуге, в радости, в цвете
Май, позабывший о солнце.
Тучи, что малые дети:
Плачется им и смеется.

Ветрик заикал, захлюпал,
Бахает гром холостыми;
Катится звончатый купол,
Светится в ласковом дыме.

Доземи высь опустилась,
Кланяясь темным избенкам.
Дождик, хороший, как милость,
Чалым бежит жеребенком.

Неукротимо и круто
Пламя разлапое рыщет.
Дня многогорлая груди
Ахает, грохает, свищет.

Ей откликаются люди
Гласом, раскатистой грома.

Травы в росистой полуде,
Перворожденья истома.

Раненой жизни начало
Души врачует и дразнит.
Небо — и то не смолчало:
Вышло — до тучки — на праздник.

Сходятся ярые руки
В ошеломленном зените...
Слышите? Верите, други?
Мы победили! Вздохните!

ТРИПЕСНЕЦ

Красуха в сентябре 1943-го

Вокруг Красухи травы глухи,
Часты кусты, густым-густы.
Еще у Мира очи сухи,
Еще святой не стала ты;

Твоя душа не у предела,
Не вознеслась, не полегла, —
Еще в огне ты не сгорела,
Бессмертия не обрела;

Светло в осеннем озаренье
Ты теплишь грусть, мое село,
И ни тоска, ни разоренье
Не жгут пока твое чело;

Журавушки не отрыдали,
Еще ты машешь в три крыла,
И крик набата прячут в дали
Твоих берез колокола.

Год сорок третий. Сентябрины.
Что день — темнее златогрусть...
Какие дани и дарины
Ты жертвуешь и платишь, Русь!

Какому лиху, злу какому
Дано свершиться над тобой! —
Здесь ни живой душе, ни дому
Не выстоять перед судьбой;

Не уцелеть перед напастью,
Что разразится в ноябре, —
Захватит дьявольскою пастью
Тебя, Красуха, на заре;

Убьет — сожжет людей и хаты, —
Жизнь обратит в золу и прах...
Но до своей горючей даты
Тебе парить на трех крылах.

И ты летишь над коловертью,
В осеннем полыме горя,
Навстречу страшному бессмертью —
До огненного ноября.

Плач по Красухе

Чернобыль на пепелище
Да густой бурьян.
Оголтело ветер свищет,
Кровью сыт и пьян.

Хоть бы двор какой или хата —
Пусто впереди.
Только зарево заката
Душу бередит.

Только трубы возле речки
Над печами в ряд —
Непогашенные свечки —
В прах-золе горят.

Только ворон хрипло, глухо
Крикнет о беде...
Что с тобой, моя Красуха?
Где ж ты? Где ты? Где?

Я четыре черных года
Светлой встречи ждал.
Я ходил в огонь и в воду,
Кровью истекал.

Жгла меня тоска-порука,
Мучила напасть,
Чтоб тебе, краса Красуха,
В горе не пропасть.

Верил: ждет меня невеста,
Дом родимый, мать...
Где я? Памятное место
Сыну не признать.

В день свиданья — ночь разлуки:
К сердцу сквозь кусты
Тянут высохшие руки
Сирые кресты.

На тропе, как дума ночи,
Бьется чернобыль:
«Растопчи меня — нет мочи
Трогать эту былль!..»

В сорок третьем, в тьме метели,
На село мое
Набежали, налетели
Псы и коршунья.

Затолкали в пасть сарая
Триста человек!..
Триста душ, земля сырая,
Приюти навек!..

В каске, будто бес двурогий,
Лаял гауптман:
— Покажите путь к берлоге
Пар-ти-зан!

Три часа на размышленье.
Драй. И нуль минут.
Ваше «да!» — себе спасенье.
«Найн!» — всем капут!..

Нет! Ни слова об отряде:
Замер стар и мал.
И ни звука о пощаде
Враг не услышал.

Заплескалось пламя в крыше,
Взвился страшный чад...
Не слышал — и не услышит:
Мертвые молчат.

Только память не забыла
Беспощадных дней:

Это было, было, было
На Руси моей;

На земле седой и слезной,
Льющей кровь свою,
Неподкупной, гордой, грозной
В праведном бою.

Красуха

Ты взошла на холм,
Скорбна и грозовита.
Ты устала,
Босы ноженьки болят.

Ты — из камня,
Ты — из мертвого гранита,
Ты — немая,
Но душа твоя — набат.

Ты — Красуха!
Здесь — Россия в каждой слезке,
В каждом взгляде,
В каждом вздохе люб-травы.
И не знают
Зла не знавшие березки,
Отчего нагоркли
Песни синевы.

Что им знать:
Они родились в сорок пятом.
Им стоять
На избах, выжженных дотла.
А тебе нельзя не помнить —
Память рядом:
Вековая
Безутешная ветла.

Над холмом твоим —
Бездонная тревога:
Ни сыночка, ни забвенья
В мире нет.
И у ног бежит
Не сельская дорога —
Путь кремнистый,
Путь тернистый в белый свет.

Грозовито,
Чутко в чаще краснотала,
Вечный сон, печаль и воля —
Жизни власть.
Здесь Красуха,
Здесь Красуха умирала,
Здесь погибель
До бессмертья вознеслась.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Постой у разбитой опушки,
Ничуть не боясь, подыши.
«Грохочет!..» — Гуляют лягушки.
«Крадется!..» — Встают камыши.

«Взывают нещадные трубы!..» —
Не рвись: гомонят журавли.
«Над лесом багровые клубы!..» —
Заря доспевает вдали.

«Стенанья протяжные, вдовьи!..» —
Ведь это неясить поет.
И полнится синею кровью
Раскиданный паводком лед.

И месяц линем неторопким
Полощется в полном пруду...
И станешь ты тихим и робким,
Зачем-то с собой не в ладу.

Зачем-то к траве равнодушной
Прижмешься холодной щекой,
Как в детстве сторевшем, послушный,
Вдохнешь, что совсем не такой.

Ах, как мы отвыкли от весен!
Ах, как мы без них не могли!..
Копейки сиреневых блесен
На рыжую глину легли.

Восход, желтоперая птица,
Смеется за черным бугром...
И весело вдруг загрустится,
И горе набухнет добром.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Поклонился деревне
Победитель Берлина.
Небо, тучки, деревья
Приветствуют сына.

Взлай веселой дворняжки,
Робкий щебет касатки...
Крест, кровавый и тяжкий,
Сын пронес без оглядки.

«Дома, дома ты, дома!» —
Плещет сердце солдата.
Дорогая солома,
Потемневшая хата.

Тропка. Тын у дороги.
Палисадничек в маках...
Подгибаются ноги,
Стальные в атаках.

* * *

Что вы, руки? Да как же так? —
Не поладить с дверной задвижкой...
А жена, как ступила шаг,
Так и сомлела с коромыслом под мышкой.

Будто вдруг и дыханья нет,
Стоят у раскрытой двери:
В первый раз
За эти пять лет
Глядят и глазам не верят.

ИВАНЫ ДА МАРЬИ

Иванушки, Марьюшки были,
И Ванек да Манек носили,
И Джонов с Мари

не корили
Иваны да Марьи России.

Кого только вы не спасали,
Иваны да Марьи России,
Чего только вы не прощали.
И всё вам на свете
по силе.

Вы — сердце, и разум, и голос
Заботе, и песне, и полю.
Случалось,

обманывал колос —
Что ж... пели да сеяли вволю.

Хоть грешные были, да свято
Служили, сгорая до срока.
Служили на совесть:

не надо
Идти за примером далеко.

Семь хат в стороне деревенской —
Солдаток двадцатого века.
Здесь жили —

до бури вселенской —
Сто семьдесят два человека.

Не пахло ни тленом, ни пленом:
И воли в достатке, и дали.
Здесь

в нынешнем — послевоенном —
Душ сорок осталось едва ли.

Муравка веселая — мята
Растет преспокойно и шало.
До

всемирового набата
Здесь сорок три дома дышало.

И так — по всему сельсовету,
И дальше —
по белому свету.

Заступы у слез не просили
Иваны да Марьи России.

Глядят просветленно и строго
Скорбящие чистые очи.
А мир —

ни трубы, ни порога:
Как жить после дьявольской ночи?

— Сначала, Иваны да Марьи! —
Твердят топоры по округе.
Рождается солнце

из хмари.
В хоромы торопятся внуки.

Сверху — с клена — льются листья,
Под ногами — шуба лисья,
Сбоку — скірды:

урожай.
Журавлино и воскресно.
На току широком тесно.
Зерна: трогай! Уважай!

Дождалась страда солдата:
— Аль махорка виновата:
Три закрутки сжег

за час?..
Поживей кидай, ребята:
На сегодня сладить надо
Всю стожину! Ясен сказ?

Мягкий хлеб твердыне-стали —
Брат любезный...

Что застряли?
— Стоп-оглядка, с ходу чтоб... —
И опять у молотилки
Руки — радости копилки —
За снопом взвивают сноп...

Полумрак плывет кудлато,
Холодинка — от заката,
Повечерье синь лучит.

— Поживей вози, ребята:
Хлеб —

от всех напастей щит!

ПАМЯТЬ

У тихого леса
Святое проклятое прошлое:
Горюнится лобное место,
Невинной польнью заросшее.

Роняет ракета,
Как гильзы, латунь сентябриную...
Забыто, забыто, забыто.
Зарыто. Заровнено глиною.

Ни рва, ни кровинки —
Все годами списано, сглажено.
Осинами стали осинки,
Лепечут: «Все мирно, все слаженно.

Прохожий, прохожий,
Не стой, выстывая под тучами:
Не надо, не надо тревожить
Могилы глазами горячими.

Им выситься долго,
Их горя твое не касается...»
Но давнее — взяло! отволгло! —
Как ливень слепой разгорается.

Поляна за кромкой —
Как сердце седое — урочище,
Морозище, красный и громкий,
И «шмайссера» око хохочущее.

И эти осинки —
Прямые, рядочком, одиннадцать.
И заступ в дымящем сутлинке,
И ров. И нельзя отодвинуться.

И унтер хрипящий,
Как будто не он — нас, а мы — его!
И рядом, ах, рядом — до чащи.
И выдох скорбящий:
— Мы з Києва-а!..

И всё. Темнотюга.
Ни боли, ни жара, ни холода...
Очнулся я: плакала вьюга
Разгневанно, истово, голодно.

И хлюпало глухо
В груди, ружником запеленатой.
И все повторяла старуха:
— Убитый, а смертью не тронутый!..

Скорбяще глядела,
Крестила усохшими пальцами:
— Пожуй — подходяще для тела.
В картошку бы — сольцы да сальца бы!..

И ладно ли, худо —
Творила она милосердие.
И тот, кто не верует в чудо,
Уверуй: дышу после смерти я.

И память — живая,
Бессонная, жгучая, длинная —
Стучится, взывая:
«Поляна! Поляна полынная!»

Откуда в ней столько живого,
У хворой, у робкой такой?
Сыскала целебное слово,
Пригрела шершавой рукой.

Узорный платок повязала:
— Меньшого кровинушки дар! —
Нарезала хлеба и сала,
Спроворила вмиг самовар.

Присела. Вздохнула глубоко.
Взяла ломоток — почерствей.
— Вечорась вещунья-сорока
Незряшно сулила гостей.

Да грейся ты, родный, согдится:
Чайшко врачует с дорог.

У нас дармовая водица —
Погрейся, чай, крепко продрог?

Слышать, побывал в загранице.
— Поклон ему сvez и венок.
— Как спит он в нерусской землице,
Твой друг, мой последний сынок?

Поплакать бы всласть над могилой
Моих убиенных солдат —
Да нетути времечка, милый,
Сам видишь: дела не годят.

Горя горевыми очами,
Строга и спокойна с лица,
Умолкла в горючей печали,
Седая, как в свете венца...

Тужила, терпела — растила.
И лишь повзрослели сыны,
Сама — восьмерых — проводила,
Чтоб жизнь заслонить от войны.

И восемь — ведь восемь, все восемь —
Домой не придут никогда.
В трубе потешается осень,
За дверью дрожат холода.

А с нею — пять внучек, три внука
Да сердце без всякого зла.
Тоска ухмылялась: «Под-друга!..»
В открытую душу ползла...

Какая в ней сила сокрыта,
В простой, в беззащитно-земной?
Ведь восемь десятков отжито —
Не восемь полей за спиной.

Как поле, добра и несказна,
Тиха, как созревшая рожь,
До малости с жизнью согласна...
— Ты грейся, себя не тревожь!

Евдокии Ивановой

Стога по склону, стога на гребне —
Как зерна в ласковой земной горсти.
В высоком небе, в спокойном небе
Ни тучки крохотной не грустит.

Поля смирились: ласкают бльхи,
И бльхи красуются, веселясь.
И только волны внизу, как вздохи,
Да камни, тяжкие, будто напасть.

Гуляет глушь — глухонемо, пестро.
Огонь и кровь? Огnekров-кипрей?..
Ах, волны, волны, милосердные сестры.
Не смыть вам кровь и пепел с камней.

Вздыхайте, волны, — покоя нету:
Здесь все — вековечная страда.
Хоть сколько сердцу гореть по свету —
Никогда не сжечь дороги сюда.

У темной плиты, седая, как пена,
И неподвижная, словно гранит,
Русская мать, преклонив колена,
Кротко и скорбно под солнцем стоит.

Над ней крушина — ягода волчья —
Из красной картечи сплела венки.
Я подхожу, я кланяюсь молча...
— Спасибо! День добрый тебе, сынок!

О чистый берег — на желтой глади
Крапива и хмель навили плетей.
О мать, — святая мука во взгляде...
— Пришла проведать своих детей.

Они вот здесь, вот на этом камне,
Угасали вместе — брат и сестра:
Светили, как факелами, руками,
Стенали в нещадной пасти костра.

Горели! Горели живые люди-и...
Дрожи, мое горькое сердце, дрожи!

Разрывались мертвые камни от жуты:
Доныне трещины эти свежи.

Село Севó! Ни души, ни сарая.
Одна я воскресла на прах-пустыре,
Чтоб четверть века гореть, не стгорая,
Пылать, изнывать в том лютом костре.

А сколько лет в грядущем суровом
Спаленной душой мне горюнить свет?
Не забудь, помяни нас добрым словом.
А я тут поплачу. Покоя нет.

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ

Они Казбеком в небе не маячат,
На их уступах тучи не гнезятся,
И грозные обвалы не грохочут.

Холмы, низины, взлобки, буераки,
Заросшие ольхою и крапивой,
Посыпанные густо рыжей пылью,
Песок сыпучий, сер-горючий камень,
Кузнечики, гадюки и дрозды,
Случайная заблудшая коза
Да чудом уцелевшая сосна —
К пейзажу больше нечего прибавить.

Их обойдешь кругом за полчаса,
На самый верх взберешься в три минуты.
Они лежат под Витебском, у речки,
Меж Третьяков и Волковой Деревней.

Вы скажете: «Да разве это — горы?»
— Да, горы горя — Воробьевы горы!

Они впитали столько слез и крови,
Тоски и стонов, боли и проклятий,
Что забывать о них живым нельзя.

Чтоб не смогло такое повториться,
Вы, братья-люди, любящие жизнь,
Обязаны о них поведать свету:
Невестам, жепам, детям, внукам —
Всем!

...Год сорок первый. Полночь декабря.
Метель-звериха жалобно и люто
Глумится над поверженной землею.

Закутаны в платки и в бабьи шали,
В лохматых шубах, в ватных одеялах,
В огромнейших соломенных галошах,
Как черные пещерные медведи,
Ворвались в лагерь, пьяные от крови,
Эсэсовцы. Справляют праздник смерти.

Они не пощадили никого:
Ни древних старцев, ни грудных младенцев,
Ни красоту, ни юность — ничего!

Они загнали той погиблой ночью
Во глубь холмов кипящих, как скотину,
Пятьсот живых страстей, надежд, печалей —
Пятьсот! Пятьсот живых людских сердец!
Ревели танки, голосила вьюга,
Захлебывались лаем пулеметы,
Земля стонала, содрогалась тьма!..

И после было сто таких ночей!..

Чтоб не смогло такое повториться,
Друзья и братья, сестры и подруги
(А с недругами счет у нас другой!),
Оберегайте мир любой ценою:
Ни сил своих, ни времени, ни сердца,
Ни голоса, ни крови не жалея!

ЗАКЛЯТЬЕ

Когда заликует свет
Перед разгневанными глазами,
А сердце отчаётся
Кровоточить и проклинать,
Говорите всем как признание,
Твердите как заклинанье,
Велите как приказанье:
— Восемьдесят пять!
— Восемьдесят пять!!
— Восемьдесят пять!!!

Чтобы все слышали,

Видели,
Ведали,
Чтобы безумству
Смердящую пасть не разъять,—
И в черные беды,
И в солнце Победы
Нельзя,
Чтобы люди забвенью предали
Восемьдесят пять,
Восемьдесят пять,
Восемьдесят пять...

85 тысяч

В одной могиле!
И некого звать,
Никому не восстать.
А ведь все они
Были,
Были,
Были!
Но часы пробили,
Часы пробили —
Душегубки дымили, дымили, дымили:
Восемьдесят пять...
Восемьдесят пять...
Восемьдесят пять...

О бедная мать,
И зачем ты сердце дала мне?
Тут бой его страшен,
Грешно здесь дышать.
На колени швыряет,
Сжигает глаза мне
Бесконечная цифра
На белом камне,
Беспощадная цифра
На огненном камне,
Огнедышащая цифра
На мертвом камне —

85!

85!!

85!!!

Я открываю глаза,
Вижу спокойные выси,
Встаю с колен,
Корю себя: «Разум — вспять?»

Вздых матери
К дому остывших

встревожит,
Кривые изгороди хмель стреножит,
И спины яблонь угнуты ниже —
Должно! Должны же!

Все будет:
Робкая рожь нальется,
Лен разольется,
Сердце проснется —
Были бы сердце, земля и солнце!

СВИДАНИЕ

В такой большой, в такой ночи,
В миг многожданного свиданья,
Вы пойте, пойте, дергачи, —
Ни мрака нет, ни увяданья.

Греми, немая благодать,
Ликуй, высокая равнина:
Твоя любовь не знает лгать —
Нагая плоть, как вдох, невинна.

Безгрешны спелые уста
В прикосновенье оробелом.
Мерцай, печальная звезда, —
Всего одна на небе целом.

Очей озер не омрачишь
Своей космической дрожью.
Плещись, гуляй, вещунья-тишь,
Венчай, камыш, зарницу с рожью.

Ни горевания, ни бед
У этой ласки безобманной.
Есть только радость, только свет
Да чистый цвет в росе медвяной.

Это очень много —
Даль да тишина.

Чистая дорога —
Наша сторона.

И пути иного
Мне не выбирать.
Мирно и лилово
Светит сосен рать.

На полях безгрешных
Синь да снегири,
В буераках снежных
Польмя заря.

Хорошо, и ново,
И светло до слез.
Что ни куст — обновя,
Что ни день — мороз.

Нет милей подарка
Сердцу и уму.
И грустит жарко
В знобкую зиму.

Я, до дна весенний,
Полюбил печаль:
Что я не Есенин,
Мне до боли жаль.

Смотрят ели строго,
Ласку затая...
Мир тебе, Дорога —
Родина моя!

ДВЕСТИ ПЕРВАЯ ВЕРСТА

Поэма

Светлой памяти брата Льва Григорьева

Тревога

Час неровен,
В близком ли, дальнем потом —
С молодая-зелена по неразуменью —

Зевнет, блеснув белозубым ртом,

кто-то

Над быльлю-болью этой:
Раб-бота...

Отмахнется:
Нам, сегодням, теперь
Не до сказок вчерашних,
Не модно, товарищ автор.—
Верь не верь —
не ломись в открытую дверь,

Войди,
Приглядись:
Я старался для Завтра.

Хоть на самый сверхмодный аршин прикинь,
Хоть сошлись на ультрамодные стили,
Хоть на какую высь,
Хоть на любую длину —
Огонь на себя принявшие
Правильно жили.

Мерь не мерь, коль смогу,
не солгу:
Пусть и старой закваски,
Да к нови причастен малость,
Не в шелку я у жизни — в долгу,
Мне дышать, может быть,
ничего не осталось.

Может статься, в самом зачине как раз,
Вот сейчас,
Сложит голову это творенье,
Саданет короткий, как выстрел, приказ:
— В наступление!

И подыдемся в рост.
И пойдем.
И падем,
Погасив амбразуры взорвавшейся кровью.
Чтобы вам
Не звереть под железным дождем,
Смерть и ненависть не величать
любовью.

Петь бы тише — призывней,
Да где тут:
Сполна тороплюсь,
Не корите,

Судить да рядить не спешите,
Поймите:
Мы стражи набатной эпохи.
И прости мне пристрастие, Русь!
Я горю! Я с тобою до крохи!

Я ведь всем твоим детям —
По крови — брат:
За тебя сгоревшим в далеких сечах,
И тем, что ныне с тобой горят,
И всем, всем, всем,
Кто для тебя запыляет
в грядущем далече.

Ты — и солнце в ночи,
И темь среди ясного дня,
Полынь-горечь
И радость медвяная
разом.

Не обдели, Россия, тернистым путем меня!
Не обойди,
Награди
Беспрекословным приказом!

Алеха

— Алеха! Нам, признаться, повезло,
Товарищи лешие:
Время дало ремесло,
Мы не все повешены.

Время — манна с небес,
Масляная оченно,—
Завело Алеху в лес,
Настежь пропесочило.

Прописало в терему,
В дачном, в елки-палкином,
Загорай себе в дыму,
Грей бока, помалкивай.

Знай живи:
Жилье
Немчурой оплачено —
И вода, и смолье,
И всякая всячина.

Всыпала война взащей
За здорово живете,
Сделала портняжкой:
шей,
Крой... на пулемете!

Наградила бородой
Дедовой—
в двадцать,
Наделила худобой.
Поись бы, братцы!

Увези меня, конек,
От пальбы и стужи —
Хоть бы малый денек
Побить баклуши!

В баньку бы, в парок-жару,
Веничка бы света!
Покукуй-ка в бору
Две зимы, три лета,

Под фуфайкой попарь
Душеньку соленую...
— Загудел, пономарь,
Язви тебя в ядреную.

Вот уж зык так зык:
Ни умолку, ни сладу.
И ведь что за язык —
Два года кряду.

И ведь что за народ —
Луженая глотка...
— Нынче год — он не тот:
Нервная погодка.

При нажиге таком,
При этаким накале
Год зачти тройком:
Ой, повоевали!

И перчит, и урчит,
И нутро вывертывает,
В горле костью торчит
Это дело чертово.

Только мы — все тут:
Служим, хоть и тужим.
Или нам — капут,
Или мы — сдюжим.

Хоть зубасты враги —
Доведем до ручки!
А потом на пироги
К твоей нагрянем внучке.

Обмакнем усы
В полную рюмашку.
Дробанем плясы!
Души — нараспашку!

Ноги — стук, сердце — тук:
Гоже, гоже, гоже!
«Мы без вас как без рук,
А вы — без нас?» —
«Гоже!..»

Не зальешь, не сожжешь:
Дело неугасно.
Значит, что ж, для чего ж
Бормотать? Все ясно?

Алексей да Евсей,
По рукам ударим:
Чем не пара ей?
Чем я не парень?

И не рыпайся, друг,
Что разнимся годами:
Мы — годки: дед и внук,
Ровня... бородами.

— Ведь полночь, не занудь,
Не жужжи, Алеха,
Не блажи, дай вздремнуть.
— Всхрапнуть? Оно неплохо:

Дрыхнуть любит и вражьё,
А я не рыжий тоже...
— Парти-зааны! В ружье!
— Аль вставать?
— Похоже...

Дорога

Дорога-дорожка:

За спиной — котомочка в пуд,
Под Псковом — бомбежка,
К Луге — семнадцать зарев цветут,
Небо грозит: «Везу-у!.. Смету!..»
Травит живую душу: «Агу-у!..»

— Напучили кочек
Черт с бесихой в болотушке.
— Еще семь версточек,
Везде-ходушки.
А там поднюем со смаком
На суше! В ельничке!
Всего — семь с гаком,
Отшельнички.

Гиблая топь сторожко
Примеряет петлю:

идут!

Прижигает загривок мошка.
— Ну и путь, ну и лют:
Уж повязнем мы тут.
— Не ной, Степан, кончай мутату,
Закрой окошко,
Не то угодишь в «окошко»!..
Прямая дорожка,
По а-зи-му-ту!

— Ну бы такие дроги,
Чтобы через этот подвох
Прокатить без мороки!..
— Не растягивайся! Аль оглох?—
Из лап упуская ноги,
Алчно чмокает мох:
Ж-жах, ч-чух, ч-чох!..
И не пудешник — с два на плечах.
Хлюп, чвяк, ч-чях...

— Коль топать нечем,
Ты, чудик, приляг:
Покой обеспечен.
— Вы сами, Алеша, чудак.
Теперь дотащу, спасибо:

Весь тол мой — к себе в рюкзак.
Не мне — старичку помогли бы.
— Это Евсею-то? Как бы не так:
Старый лешак без нас неплох,
По части болот — мастак.—
Плюх, плях, плёх!..
Шаг. Шаг. Шаг.

Прямая дорожка,
В трясине утерянная,
Чуткая, как ладошка,
Журавлями да ветром меренная,
Ты человеку —
И вежа, и крышка, и дно!
В глазах темно:
Третий пуд повис на плечах.
Но всё одно:
Ч-чух, ч-чох, ч-чях!..

Похоже — утреет, похоже — нет.
Горят потемки, стынет рассвет.
— Как будто кисель,
Поганец-туман.
Ну бы крылья бы
да отсель...
— Не вознесись:
Не умчись в небеси, Степан.

Все на земле имеет край,
Дальше которого некуда, точка:
И мох, и ночь, и эта на кочке кочка.
А вот человек

может и через край.
— Дава-ай! Дав-вай! Давай!

И так по всей России,
Не день, не два —
третий год,
В несказанной грозе и силе,
Идет, идет, идет
Гневный народ!..

— Что встал, Евсей?
Али хрип неймет?

— Дивлюсь, как в поздри берегом бьет:
Ходи, не косей,
Болото сдает!..—

И вот
Горько-сладкой пахнуло сущью,
Близко дышит шалфей-трава.
И заприаздновало над глушью:
— Земля, братва!

Зарева откраснели,
Отбуйствовали,
Отгрознели,
Зарева присмирели
До новых потемок.

А там — опять
Наползут, обовьют небеса,
Станут
 черной тоской наливать
Людские глаза.

— Во-оздух!
— Раненько загудели
Настырные «костыли».
— Нас шугают.
— Ишь чего захотели!
— Гляди, как накостыляют...
— А ты не скули!

— Зарева откраснели.
— Век бы их не видеть!..—
Мягко стелются ели,
Сущь, благодать,
Ти-ши-на.
— Привал, старшина:
Раздать сухари!
Отряд! Оружье протри!
Костров не палить! Есть! Спать!

Пришлось потрудиться,
Ты бы, Евсей Григорьич, вздремнул.
— Мне, Иваныч, зараз не напьется:
Можит поясница,
Хоть кричи караул,—
К ночи непогодь разразится.
Дозволь заступлю в караул.

На еловых лапах
Медов сон!
Деятнадцать храпов
На разный фасон:
Кто — басит,
Кто — голосит,
Кто — посвистывает;
И все — не как-нибудь,
В полную грудь —
И-сто-во!

И только трое не спят:
Дед Евсей,
Старшина Игнат
Да командир Тимофей Иваныч.
Видели б вы,
 как трое глядят,
Сберегая силенки отряда на ночь!

А солнце солнчит
Песню свою
Все теплей, все звонче:
«Встаю! Встаю!
Вы служите — и я служу,
Вы не тужите — и я не тужу,
В оба гляжу,
Круто патроны сушу.
А повыше взойду, дозрею —
Кости ваши пригрею!..»

Июльский день долог,
Длинен, да не для нас.
Пуховик для щеки колок,
А так — в самый раз.

На земле,
 до сердца раскрытой,
Шестнадцать часов подряд
Разметались русские воины:
Спят, спят, спят.

В глухариной обители
Несморенные глухари,—
Семнадцатый час мстителю
Пьют живую брагу земли.

Набирайтесь!
Силы сгодятся:
Экая даль вам, сыны!
Запасайтесь,
Куда деваться,
Высыпайтесь!
И пусть вам не снятся
Сегодня черные сны!

Спится ребятам, спится...
А солнце уже садится.
Светило, с пожар-закатом
Повремени —
Не густей,
Не будет лишка солдатам:
Твой луч не ломит костей.

Но смежается глаз горящий,
Окунается в облака:
«И вам, и мне пора.
Пока-а!..»
Затеневело в чаще,
Захолодило бока.

Травы запахли слаще.
— Двадцать два пять.
Растолкать спящих:
Пора выступать!
— Подъем, недужные:
Время — с хвостиком двадцать два!..—
И не матюжные,
И покрепче были слова.

* * *

Прямая дорожка,
Куда повернешь?
Вышла б оплошка,
Не вывези дождь,
Не выручи нож.
Лешка, Лешка,
Страшно ты бьешь!

Ты молодчина:
Не промазал, хват!
Так что за причина,
Пошто не рад?
Весь как в угаре,
С обвислым плечом.
О чем ты, паря?
Парень, о чем?

Ведь ёкни твое сердечко
Или дрогни рука —
И нам бы вышла осечка
На-вер-ня-ка:
Клещи врага —
И весь «васисдас»,
И вся недолга.
А ты его —

р-раз!—

И мы
Идем себе позади большака.

Так что ж ты прячешь
Глаза, пальные до два?
Нельзя иначе ж,
Нельзя:
война.

— Сынок, война!
Лучше курни-ка, на.
У меня табачишка —
Пятитравный сорт:
С ползатяжки, слышь-ка,
Поперхнется сам черт!
Дымни — и крышка:
Новички-то!..
Будь тверд.

— Благодарствую, дедка,
Ме-етко берет:
Геройская горечь!
Спасибо, Евсей Григорыч,
Как наждак дерет!

— На здоровье, детка.
Проверь-ка свой пулемет:

Слышишь перелеска
Провод поет?
Она!
Чугунка-железка,—
Крой наперед!

«Железка»

Ливень — круче, град — отвесней,
Ночь текуча, ночь — беда.
Душу рвут заgrabной песней
Умершие провода.

Шибко-шибко плачут елки,
Голосят, вопят, орут —
Будто плоть живую волки
С лаем, с визгом, с хрустом жрут.

— Рвите, жрите — не прожрете:
Глотка тесная,
Вот погодка — так уж вроде
Расчудесная!

Рельсы взвякивают резко:
Рельсам холодно.
Эх, дороженька-железка,
Тебе — тола бы!

Потерпи, дадим, что просишь,
Слышим вопленьки:
Эшелончик нам подбросишь,
Будешь тепленькой.

Раскостерим зной-костерчик,
Ух ты, ухоньки.
Так что стыки жаром скорчит:
Мины сухоньки.

Где нам жадничать, куда там:
Кроме прочего,
И «лимонкой», и гранатом,
И каленым виноградом
Всласть попотчуем...

А пока — погода стонет,
Ночь мокра невпроворот,
И, как щепка в море, тонет —
Кому жить и кто умрет.

Ни земли, ни туч, ни леса —
Льет вода, ползет, бежит,
Да осипшее железо,
Будто лист, дрожмя дрожит.

— Во примочка! Ну промочка!
Небо спятило.
Мне сегодня два годочка
Насолдатило.

В сорок первом, в том июле,
Двадцать пятого,
Окрутили меня с пулей,
Неженатого.

Наползли в Красуху гансы
Темным вечером.
На руках в кусты подался —
Делать нечего.

— На руках? Аль не бежали
Ноги быстрые?
— Ноги смиреннько лежали
После выстрела.

Сорок дней с той свадьбы, лежа,
Выл в малиннике...
А сегодня фриц и Леша —
Именинники.

Юбилей двухгодовалый —
Дата красная.
— Дотерпи, осталось мало,—
То-то спразднуем!..

Час... Другой... Видней водица,
Проступают камыши.
И хоть очень не лежится,
А — лежи!

— Забелело на восходе:
Не попасть бы нам впросак!..
— Тише, братцы: едет вроде!
— То не он: бубнит пруссак.

Вот житуха: дождь не лезет
Ни за шиворот, ни в рот,
Знай посиживай в железе:
Слышь, «люли мурлен»* поет!

— Ничего, заткнем и дот.
— Значит, нам его и брать?
— Жди: на днях придет рать,
За тебя его возьмет.

Три часа... Четыре... Пятый —
У моста — лицом в кугу.
— Не м-могу, подплыл, ребята..
— Кто не может? Ни гу-гу!

Ишь раскашлялся, как дома,
Расхлебенил решето.
Долбани его, Ерема.
— Чуешь, друг! Замри, а то!..

Тут тебе не посиделки,
Не на супрядки попал:
С шестиствольной жажнет грелки —
Обогреет — наповал...

Семь утра — темна природа,
Десять — плюхает.
Час — обносит нас погода
Оплеухою.

Три — ни капельки не суше.
Полчетвертого —
Хоть бы горстку твердой суши,
Кроху б твердого.

Без пяти четыре — лунит
С неба клятого.
— Ну бы п-печку да т-тулупик...—
Четверть пятого.

Ни подняться, ни прижаться.
— Ну бы хата бы..
— До заката додержаться,
До заката бы.

До потемочек, до ночи
Если б вылежали!..—
Есть ли мочь, нету мочи,
А ведь выдюжили.

Свечерело. Небо низко.
Немец ужинает.
— Сдвинься с места, шелохнись-ка,
Кровь остуженная.

Наливайтесь в жилы, соки,
Не утоп, так дело робь:
Шевелитесь, руки-ноги,
Отбивайте, зубы, дробь.

Впереди полно работы,
Впереди работы — во!
— Эй там, ерзаешь чего ты?
— Да колено не того.

Не колено, а полено:
Ни согнуть, ни разогнуть.
Вот бы крышу бы, да сена,
Да стакашек шнапса в грудь!

— Подходяще затемнело!
— Почернело — я те дам!—
Будет дело, будет дело:
Стопроцентный тарарам!

— То-то! Рельсы заиграли
На мотив совсем другой:
Слышишь — «трали-трали-трали»?
— Это ветер над рекой.

— Ты не шапкой слушай — ухом:
Стук колес уловишь враз.
— Я впервой.
— Огня не нюхал?
Не горюй, нюхнешь сейчас.
Ой, нюхнешь, ой, нюхнешь!..
— Перестань чудить, Алеш.

* «Люли Марлен» — песня немецких солдат.

Это боязно, наверно,—
Сгрохать поезд под бугор?
— Нам-то что, ушам вот нервно —
Басовитый больно хор.

Будешь рвать, возьми вот это.
— Не обстрелян я, браток...—
Кровью харкнула ракета.
И навстречу ей — гудок!

* * *

Глумится небо. Гнется тал.
И в тьме лихой незрячей
Все злее лязгает металл,
Все горше ветер плачет.

Совсем-совсем короткий сказ,
А до чего ж он длинен:
Что ночь, что дождь — сейчас-сейчас
Хлестнет кровавый ливень.

Состав крадется без огней,
Везет гостей недобрых.
И сердце чаще и сильнее
Стучит, бедует в ребрах.

В ушах трезвон, во рту печет,
А злыдень — вот он, рядом!
— Давай запал, комолый черт!
— Вставай, Степаша. Надо!

Огонь

Ой вы, псковские места,
Двести первая верста!

Год пройдет.
И двадцать лет.
Двадцать первый век грядет,
А сюда горючий след
Трын-травой не зарастет.

Нет! Его не рассосет,
Не исторгнет из сердец
Ни былъем, ни лебедой,
Ни бегучею водой —
На земной груди рубец.

Оглушенному огнем,
Ослепленному свинцом,
Как поведать мне о нем —
О пожаре над рекой?
И каким таким словом?
Ох, какой, какой строкой?

Двести первая верста —
Просто столбик у моста:
201 верста.

Ночь густа, река быстра;
Крутизна, высота!..
Та-та-та!..

— Ты куда?
— Куда? Туда!
— Вылезай из-под куста
Да живей на рельсы вей!
— Насыпь тут невмочь крута:
Заб-бежать хотел с хвоста.

Дай-дай-дай!.. Да-да-да!..
Разгорается вода...

Наверху железо мрет,
Красный червь вагоны жрет.
Жги-жги-жги!.. А-а, а-ах!..
Вой и пламень в облаках.
Пред мостом хохочет дот.
— Мать-маманя!..
— Майн готт!..
— Впе-еред!

Впереди — взбесился дот:
Бьет, бьет, бьет!..
— Ну, горазд! Ну, зевласт!
Густо чешет, зло дерет.
— Не заткни гадючий рот,
Распрячься нам не даст.
Дай-ка бонбу! Мой черед.

Громовитей грома жизнь:
Головушка, не кружись,
Головушка, не хмелей!..
— Вот ты где, железный змей!
Пьян от крови, волчья сыть,
Лопай: время закусить!

Что искал, то и нашел.
Грохот долог и тяжел:
Где железо? Где бетон?
Эхо с четырех сторон...

Горе не понявшим нас:
В грозный для Отчизны час,
В час беды, из века в век,
Был он, есть он, будет он —
Непреклонен и страшен,
Мирный русский человек!

— Подавился фриц, кажись.
— Да, тот чертов дот готов:
Вперед!.. —
Лишь молчат, обнявшись,
Будто двое сватов,
Дед Евсей и дот.

Может, скажет про меня
Друг, не нюхавший огня:
«Доты, деды — простота,
Это музыка не та:
Юность стари — не чета».

Говори не говори —
В ней восход твоей зари.
Мой корителъ дорогой,
Для тебя мы так — собой.
Жаль, не до речей с тобой:
На «железке» — бой.

Так-так-так!.. Пак! Пак! Пак!..
Доцветает лютый мак.
— Степка! Степа-а!.. Эх, земляк!..

Скрежет, хряск, визг, ляг!..
Не взыщите, гости, с нас:
Нам, признаться, не до ласк.

Бедно ласк, зато уж яств
Не жалели мы про вас:
Никого ни темный час,
Ни «ременный бог» не спас.

Арифметика проста:
Двести первая верста,
Ни вагонов, ни моста,
Триста сорок два креста,
Паровоз без колес
Укатился под откос,
Рваным брюхом в землю врос.

И над прахом — в полный рост,
Встанут, нет ли, — двадцать звезд,
Неугасных двадцать звезд.
Им светить, не заходить —
Быть! Быть! Быть!

Двести первая верста,
Тихие мои места.

Рассвет

Скололись овчарки, отстал немчура.
Нема, как могила, гарь.

— Алеша, вчера или позавчера
Мы съели последний сухарь?
— Не помню. Курнуть бы!
— Когда б самосад!..
— Привстань, понапрасну лег. —

Над бурым пожарищем льется закат,
Сочится, каплет в лог.
И с каждой каплей, оброненной вниз,
Плотней, клыкастей леса карниз,
Бескровней высь,
Холоднее жизнь.

Все глуше, уже, темней оком.
И мы вдвоем тут, только вдвоем.
Вдвоем, вдвоем.

А двадцать наших — где дот вверх дном,
Где рельсы, будто бы лыко, — узлом,
Где обороченный в реку мост —
В лохмотьях бетона, руки вразброс.

Раскаляется пуля в груди у меня,
У друга — навывлет плечо.
Пять километров за три дня:
До лагеря — тридцать еще.

А ночь притаилась, вперилась в нас,
Придавила синюшной пятой.
И звезда за спиной, как волчий глаз,
Перемигивается с темнотой...

— Найти бы коня!
— Держись за меня!..

Подумать только, ведь этот лес,
Этот куст, этот взгорок — наш...
Ракета! Озноб под рубаху полез:
Перед нами — горбатый блиндаж!

Оскалился: вот-вот метнет огонь,
Выврет последний стон.
Ржавый наган впаялся в ладонь,
И на всех — один патрон.

Сейчас бы кротом зарываться в песок,
Зайцем в кусты сигать.
Но липнет пепел, жжет висок, —
Твой прах, безутешная мать.

И в глине не просто следы колес,
А раны тяжкие, брат,
Раны земли, своей до слез,
Где каждый пенушек свят.

Где все — от холмика под крестом
До немислимых звездных вершин,
От любви до ненависти — твой дом,
Твой свет, горемычный сын.

Гляди: пантеры, тигры, орлы
Громят святыню святынь.
Довольно, довольно ее золы:
Робкое сердце, застынь!

Я горькое знаю:
мальчишка седел
В зеленые двадцать лет.
Я страшное видел:
солдат глядел, —
Горевальнее взгляда нет.

Он вздрогнул плечами:
не спрячешь слез —
Кинят, будто капли свинца.
Я гордое видел:
сын в братскую нес
С сухими глазами
Отца.

Я грозное помню:
со связкой гранат
На танк партизан выходил.
Я мирное слышал:
на весь отряд
Рыжий Алеха чудил...

Он голову поднял, он шепчет мне:
— Друг,
Умирать нам никак недосуг:
Две пары живых жилистых рук —
Скольким вражинам каюк!..—

Сгорела ракета.
Другой черноты
Не бывает на свете черней.
И мы обдираем опять животы
И ребра
о ребра корней.

Ах, летняя ночь,
Зорюшки дочь,
Беяна, не будь же темна, —
Не завораживай, не морочь,
Не стращай
покоем до дна.

Не опоздает никто
умереть
На этой скорбной земле.

Дозволь подышать,
Дай погореть,
Погоревать во мгле.

О ясном солнце погоревать,
Послушать птичью струну,
Хоть зорьку всего позоревать,
Песню спеть хоть одну.

О ноченька-ночь, зажги рассвет,
Чтоб до наших нам дотянуть.
Не проклинай нас: «Надежды нет!»
Зажги,
Милосердной будь!

Разве мало тебе
Двадцати солдат,
Что взяла ты
 в крошечный час?
Не предвещай, не сули закат:
Ни тепла,
Ни патронов
 у нас...

А ночь
 все темней, темней, темней.
Осатанела роса.
А метры —
 длинней, длинней, длинней.
А травы ползут в глаза.

И кажется:
Близко-близко до звезд —
Колет пальцы от их лучей...
Но щелкнул в олешнике
 вольный дрозд,
Забубнил веселый ручей.

И мы не остались лежать,
Мы враз
Распрямылись, приподнялись:
Заряна желанная манит нас —
Живи!
Люби!
Дивись!

— Ух ты, — воскликнул Алеха, —
Жизнь,
Разве убьешь ее!
Мы еще так заживем —
Держись!
Все тут, как есть, свое:

И наш,
 не такой уж далекий,
Путь,
И этот, в травах, откос...
Вот бы домой, в Красуху, махнуть:
Время-то — самый покос.

Взять бы косилку да пару коней,
Гнать бы за рядом ряд.
Воздух над пожней — браги хмельней,
Травы —
 вспугни —
Вспарят.

Травы, как жаворонки, звонки,
В цветени плещет смех.
Встать бы
Да с солнцем вперегонки
Посенокосить.
Эх!

Мне бы!.. —
Запнулся и брови свел,
Ловит в ладонь росу...
Солнечным веником
 ночь подмел
Хлопотливый июль в лесу.

Выискрил землю июль-светолюб,
Выморщил гладь воды...
Сорвался стон у товарища с губ,
И красный стон
 забулькал с губ,
Окровянив белынь-цветы.

И почти не слова —
 шелестит листопад —
Шуршат, как береста, сухи:

— Увидишь ребят,
Пускай простят,
Если какие грехи...

В кармане кресало и полсухаря.
Размотаешь... сгодятся бинты.
Патрон я сберег: добудь глухаря..
— Алеша, да что ты?
Ты?..

Не оставляй меня одного,
Подожди! Не надо! Не смей!..—
А он глядит.

А глаза у него —
Не видал ничего синей.

Песня

Ой, сыпуч при дубочке,
Желт песок под корнями.
Песня —

робкие строчки
В окровавленной яме.

В сыр-песок у дубочка,
В корни тихие
стежка
Опрокинулась. Точка.
Алексейка. Алешка!

Может, был бы ты прав,
Если б шел не так прямо?..
На холодных губах
Еще теплится: «Мама!..»

Еще рыть до заката
Мне могилу
руками,
Поднимать виновато
Окайнные камни.

Нет тяжеле и горше,
Нет работы горячей..
Еще долгого дольше
Молчать мне под кручей.

Это скорбное слово —
Победную песню
Глубоко и сурово
Глушить густолесью.

И не раз между кочек
Мне вставать и валиться,
Пока свежий холмочек
У горы зажелтится.

Что для матери значит
Эта крохотка-горка —
Знает только

и плачет
Со мною лишь зорька.

Сердце — чуткая птица,
Сердце — бедная птаха!
Как мне будет явиться
С вестью

страшной, как плаха?

Как мне встать на пороге
Против кроткого взгляда?
Как мне броситься в ноги
И сказать: «Ждать не надо!»

Как свершу я, о мать,
Это черное дело?
В горевой твоей хате
Без того наболело.

Только верю я, мама,—
Ведь и сам не безродный:
Глянешь в душу мне прямо
С маемой безысходной.

И меня не осудишь
Пожевными речами,
Не прибьешь, не остудишь
Святыми очами.

Станет буйствовать замаять,
Солнце выстынет в тучах.
Унесет тебя память
На крыльях болбочих.

Мать сыночка растила,
Заслоняла от горя,
Над качелью пролила
Слез да песен
 два моря.

Мать сыночка взрастила:
Дождалась, дотерпелась.
Было б все любо-мило!
Да война разгорелась.

Запожарила люто
По бездождному лету...
Ах как жаль,
 что покуда
С войны спросу нету!..

Помолчишь.
И вернешься
Вновь из прошлого в хату.
Постоишь. Встрепенешься,
Дашь водицы солдату.

И, до капли тоскуя,
Ты не спросишь ответа.
Не безродный,
 пойму я
И приму я все это.

Зов

Люди добрые —
Молодь и старики,
Пришедшие после огня
И прошедшие сквозь!
Приходите в июлях на берег реки!
Понимаете?
Сердце отозвалось?

Сердце обязано отозваться у вас.
И дело не в бывшем,
 а в сути —

Быть или нет?
Слышите: бьет!
 Это — Жизни приказ.

Приходите, люди,
Взошел рассвет!

Постойте у мирных железных путей,
Поклонитесь
На все четыре стороны у моста
И помяните
 России-зари сыновей,
У которых совесть и честь,
Как роса, чиста.

Остудите лица.
Помолчите
 у вечно бегущей воды...
Кто там разгоревался навзрыд?
Не надо слез.
Роняйте цветы.
Видите, сколько их на откосе горит!

А потом —
 пять километров всего.
Пять километров не поленитесь пройти:
Побратима проведайте моего
В его коротком,
В его бесконечном пути.

Пять километров —
На час ходьбы,
Ни блиндажа,
Ни золы кругом,
Ни колючей заржавленной городьбы —
Все похоронено
 молодым сосняком.

Дышите всей грудью.
И петь не запрет,
Если споется,—
 свои края.
Ни угрюминки перед глазами нет —
Только ликуют
 кукушки, иволги да хвоя.

Только красную дрему
Золотые шмели
Целуют взасос,
 да светится высь,

Да тянет бражным теплом от земли:
Живи, люби, дивись!

Загляделись?
Ничего, бывает —
 не смех,
Не осерчает друг:
Он терпелив до дна.
Сыплет по мягким иголкам
 солнечный смех.

У Жизни —
 две жизни,
А смерть
 у Жизни — одна...

А вот и взлобок.
И дуб — желудями унизан весь.
Вслушайтесь, вслушайтесь!
Нет, не в дроздиный гам.
Слышите, слышите?
 В таволге — весть:
Это ручей,
 это он — вам.

Это он песню поет,
Глашатай вольного дня.
Поет
 про последний вздох,
Про желтый песок сырой,
Про витязя,
Заслонившего нас от огня.
Видите холмик?
Вот тут он спит под горой.

И еще поет
 правдивый ручей
О проторившей к холмочку след:
О самой родной,
О ней,
Добрее которой на свете нет.
О той,
 которой о нас горевать
И вечно не умирать.
Внимайте, люди,
Внимайте,

Не забывайте,
Не забывайте
Несказанного имени —
 Мать!

Утолите жажду.
Помолчите
 у чистой певучей воды...
Кто там разгоревался навзрыд?
Не надо слез,
Роняйте цветы.
Видите,
 сколько их на поляне горит!

Так надо не воинам,
 которые спят,—
Они не ради этого полегли.
Это надо
 для сущих
И для грядущих внучат —
Незастрахованных граждан
Огнеопасной земли!

СТЕЗЯ

Поэма

1. СВЕТЛЫНЬ

Река у нас — во! А что звать ее *У*за,
Так это еще как сказать.
Малины — в два счета наешься от пуза.
Житуха! Лафа! Благодать!

С порога — ликующий приступ раздоля,
За тыном — стосвета-светлынь.
У нас — и дороги, и дали, и доля,
И — сильно горячему — стынь.

Все под боком: небо, земля и водица,
И плеск разлитого дня;
Есть где обогреться, есть чем остудиться:
Дыши — не тужи, ребятня.

Все наше: лесиче, и дремное поле,
И грома предобрая брань...
Да разве расскажешь про это приволье,
Про детство — несказную рань.

Но главное — «самое» — вечно все это,
Навонсе земли торжество.
У каждого было и есть свое лето —
Сутревка, запевка всего.

* * *

Везло нам — уж выдалось лето так лето:
Грибов, хоть коси — не обрать,
Грузнели сады (особливо у деда),
И рыба клевала на ять.

Тот дед не из тутошних — жихарь
приблудный —
Не шишка, а сошка — маляр;
Жил в центре, а был как заулок безлюдный,
Что напрочь закрытый амбар;

Был старый, как бор наш, хромой,
но двужилый;

Бобыль одинешенький,
Он
Фамилию даже носил — Бесфамильный
И кличку нажил — Фармазон.

Все дни он малярничал в нашем поселке,
Но — зной ли, гроза ль — в выходной
Сидел на реке у затопленной елки,
Дремучий, как сам водяной.

Его комарье и слепни не кусали,
Полдневные жары не жгли;
Язи на крючки к нему вешались сами,
Да что там язи — голавли!

Хоть с корня дрова, хоть какое ненастье —
Костер его ясно горел.
Уж тут не убавишь: дед — мастер
так мастер —
В рыбацких делах наторел.

И красил на славу, художнику впору,
Забор ли, веранду ли взять —
Нарядит в обнову, даст крылья узору,
Распишет картине под стать.

Зато уж молчун был и чокнутый вроде:
За рупь не расхмарит лица,
И в праздник пресветлый при гулком народе
Зазря не обронит словца.

Удачна ль рыбалка, доходна ль работа —
Лишь хмурится рыжий варнак;
И все ему будто бы надо чего-то,
И все ему чем-то не так.

Шаром покати в маляровом домишке,
В карманах — одни медяки.
— Ба-альшую монету коптит
на сберкнижке! —
Кряхтели казны знатоки.

— Деньга не шутейная — красеньких
тыща:

Ай, мог бы пожить бы! Й-эх, мог!
А Мишкины святки — чекушка без днища...
— Жмот копит про чертов мешок.

— Што баять, — рукаст и везуч, не зевает,
Рвет деньги, как листья с куста:
В получку по восемь сотняг загребают,
А тратит, сквалыга, полста...

Молчал скопидом — хоть бы хны на упреки,
Как будто он тут ни при чем;
Сносил и смешки, и кривые намеки.
— Ему не впервой: приучен.
— Не курит, не пьет: староверские штучки.
(Поили — дед не-у-по-им.)
— В лаптях разобут: докатился
до ручки... —
Мы вскорости встретимся с ним.

* * *

Так, значит, река наша Узой зовется,
И нет ее лучше нигде.

И нам, огольцам, подходяще живется
При той расчудесной воде.

Ходьбы-то каких-нибудь два километра,
Спрямяя крюки, до реки.
Ровесникам утра, приятелям ветра
Такая длина в полноги.

Попутно в горох завернуть недалечко,
Рядком, если — через луга.
С четыре версточки — и вот она, речка:
Прохлада, стрекозы, куга.

Повыше — на гриве — хоть сколько ореха
И дров хоть на сколько костров;
И по лесу — гукни лишь — россыпи эха.
Дорога к реке будь здоров!

* * *

Под вечер в субботу у нашей ватаги,
Конечно, на Узу маршрут.
— Ура! Отлиняли клешнятые раки
И в рачницы рысью попрут.

Край лета: приспичило раку ловиться —
С улыбкой, с припляской пойдет;
В норе весь июль голышом отпоститься —
Не шутки, живот подведет;

С такой голодухи не ждут разносолов:
Любой лягушонок — халва... —
В пестрыни, в медыни лугов развеселых
Горластая вьется братва.

Лиловые тени, пшеничные лица —
Ни туч, ни скорбей, ни забот.
Как водится, каждый слегка петушится,
Форсит и маленечко врет.

— Вчерась, понимаете... ты понимаешь,
Как клюнет, а я его — р-раз!
Плотвица взялась до чего же большая ж,
Да леска... — язище ка-ак даст!..

— Сорвался?
— Вдрызг — лесищу в восемь волосьев,
Удилище в щепки разнес!
— А как же плотица?
— Та... клюнула после.
— Язей в Узе удят на трос.

Пойдешь на язя, заверни на конюшню —
Оглоблю к вожжам привяжи:
Уж будет уда на завидки окружью —
На эту таскай хоть кряжи...

Так шли мы рыбачить в субботу, под вечер.
Стоял присмирения час,
И глушь никому не давила на плечи,
И радость с надеждой — при нас.

Текли мы, как полные речки, лугами,
Полохали свистом кусты,
На мир опирались босыми ногами,
Горячие, будто костры.

А солнце все ниже, а сумерки ближе:
Уже и туман засивел —
Он пятки щекочет и цыпки нам лижет;
И Ванька домой захотел.

Но Гриша внушил ему, так, без напора,
Тряхнул его левой:

— Шалишь! —

А Ванька — бежать! Да закаялся скоро:
От Гриши куда убежишь...

И вот уже рачницы — в Узе, и к ночи
Натаскано дров на лужок,
И ерш червяка теревит что есть мочи.
И всем нам совсем хорошо.

* * *

Шел август. И звезды свое отмолчали.
(Вы знали б, как звезды поют!)
И синяя синь, и сластинка печали,
И ночь, как вселенский приют.

Костер наш горит себе смирно и ровно,
Он дышит и тоже поет.
И кто-то над нами, легко и безгромно,
Всё новые звезды кует.

Как бабкина горница, любовью и тмином
Пропахла добрынь-синева.
Проплёскала выдра, бабахнул сомина,
Пропели петух и сова.

Потом безо всякого зла у протоки,
В малиннике, гаркнул медведь!
Мы ближе к огню пододвинули ноги
И стали на плёсо глядеть.

И тут мы увидели дивное диво:
На взгорке, в гнезде валуна,
Как длинная искорка, плача счастливо,
Родилась малютка луна.

Была она словно подснежник в апреле,
Зажженный из темного льда,
Была она вроде блескучей форели,
Прозрачной, как в Узе вода.

И, таинством схвачены, мы присмирели —
Пять друзей у друга-костра.
И явь подтвердил перекал на свирели:
«Ждан-лунушка, здравствуй, сестра!»

Молчаньем — звончайшим — потемки
нагрузли;

И, нежно стена, издали,
На омут, как будто на черные гусли,
Искристые струны легли.

И тоненько, точно травинки с проталин,
Вздохнули — кто знает, о чем?
И тихо, сторожко так за-рокотали;
И плеск — от Шелони, и челн;

И — зов! Уж не сам ли Садко подплывает:
Кому ж еще так-то сыграть?
И если на свете чудес не бывает,
То как же такое назвать?

* * *

Уже заутрело: и сутемь стусутилась,
И куст зашептал, и в лугах,
Луну убаюкав, Венера явилась,
И, главное, дед — на ногах.

Мы знаем: коль Мишка закашлял на речке —
Верней обещания нет,
Что клев на мази и денек впедалечке,
Что время: проснулся рассвет.

Звездинка за звездочкой прячутся звезды,
Ныряют вздремнуть-подневать.
Все явственней зыбка росная роздымь,
Все ласковой: к ведру опять.

И вот оно, эвон: заряна-денница
Трепещет на каждом листе,
Как пестрые пчелы, несметно роится
Вкруг-около, всюду-везде.

Потемки покой и прохладу свершили
И сникли — с огнем не сыскать.
И бьют на осколки, как плахи большие,
Щучищи
Стекланную гладь.

Река, будто скатерть, к тому ж —
самобранка:

Гостюй у вешун-берегов;
И солнечный блин не горяч спозаранка,
И лес хлебосольный с боков;

И розовый холм на поляне туманной
Сидит, как в печи каравай;
И раков навалом, и жор безобманный:
Берется — тягать поспевай.

Часам к девяти и ведерки, и сумки
Добычей богато полны.
И Гриша итожит мальчишья задумки:
— Шабашить пора, пацаны!..

Готова уха, уварилися раки —
И все это нам дарово.

И что ни мудри там, а стол из коряги
На свете удобней всего.

Такое достанет до сердца любого —
Хоть слеп ты, хоть глух ты, хоть нем.
И стань я кровинкою дня голубого —
Вот так бы и слился со всем!

За тропку в логу, за бугры и овражки,
За вербу, что в омут глядит, —
Не жаль ни себя, ни последней рубашки,
Не страшно невзгод и обид.

* * *

Костер свое дело до искры исполнил:
Пек брюкву, коптил кипяток,
Шугал мошкарю и курился до полдня,
И Ваньке фуфайку прожег.

Костер догорел. Без костра жарковато:
Запуталось солнце в сосне.
Размякли ребята, бодрятся ребята,
И Ванька хохочет во сне.

Пускай отоспится, пускай похохочет —
Натешится власть, слабина.
Ужо ему будет, отец ему встрочит:
Фуфайка-то в доме одна.

Но это потом. А пока забавляйся,
Купайся — вода широка,
В песке ерепенься, в отаве валяйся, —
День добрый! Валяй дурака!

Не каждый смекает, хоть всякому ясно:
Спать лишку — чего-то проспать.
Мы Ваньку-засоню втащили на прясло:
Высокая вышла кровать.

К портчонкам его прицепили манерку:
— Потеха! Умора! Ха-ха!.. —
В торбехе дружка учинили проверку,
Не видя в забаве греха.

У малого в торбе рыбешки негусто —
Спать крепок, удить слабоват —
Штук двадцать ершишек, четыре подуста
И брюква (зажал от ребят).

Сухмень. И в воде размокать надоело.
— Нехудо б дедка разыграть. —
Мы Ванькину взяли торбинку:

— За дело! —

(Нам дать бы! Да некому драть!)

Где плавом, где бродом, дивя стрекозипшек,
Забавя до слез лягушат,
По чащам урути, по гущам кубышек
Даем на Глухой перекат.

(Под тем перекатом, в середке излуки,
Лоснясь, как растопленный жир,
Качая елины костлявые руки,
Бездонный ворочался вир.

На этом виру, на бучиле средь леса,
Где нечисть, по слухам, жила,
Старик, не страшась ни шишиги, ни беса,
Торчал до темна от бела).

И вот мы уже у затопленной елки —
Готовы обрушить удар!
Вот лапти в траве закрипели и смолкли:
Ушел по валежник маляр.

Все в тине, как будто в зеленой кудели,
Нырнули мы: «Ну, рыбачок!..»
И торбу — с ершами и брюквой — надели
На дедов счастливый крючок.

Потом, расхрабрившись, срывая досаду,
С кола оторвали кукап.
И живо — назад, хохоча до упаду:
— Подденет «леща» истукан.

* * *

Вернулись к ночлегу. На прясле лад-ладом
Спит Ванька, аж ноздри поют,

Не охнет, чудила, и пот с него — градом.
И тишь. И кузнечики бьют.

Козявки снуют себе, день колобродит,
Спокоен сполна и погож.
А в нас ненароком тревога заходит:
Хоть деда — ни в грош мы, да все ж...

А тут еще Ванька: как свалится с прясла
Спросонья, как даст наутек!
Споткнулся. Под носом у малого красно,
На лбу его вспучился рог.

Мы зла не хотели, да вышла ошибка;
Мы, в общем-то, добрый народ.
Мы Ваньку спросили: — Зашибся не шибко? —
Заверили дружно: — Пройдет!..

Ах Ваня-простак, невезучий товарищ,
Дела-то как сажа бела:
Фуфайка с дырой, и уши не наваришь,
И брюква была, да сплыла.

Стоял он в большеванной отцовской фуражке,
В сестренкиной кофте, босой.
Не жалобься, брат, на крутые замашки —
Ребят не задобришь слезой.

У них силачи да герои в почете.
Понятно? Нишкни, слабаки!
Но что это с небом? Затучило вроде,
И лапти хрустят у реки.

* * *

Приперся, лаптюжник, притопал, хромуля,
И встал. И молчит, как немой...
Мы шапки в охапки: — Покеда, дедуля!

— Куда ж вы?
— По делу. Домой.

Опять же червей — ни червя не осталось,
И коз нам назавтра пасти,
И Ванька не сдюжит: расквасился малость.
— Улов-то, поди, не снести?

— Поймали бы вдвое, да бросило братья.
— Похвально. И мне повезло.
— Рыбеху в торбешке не видели,
бра-атцы?..
— Тю-тю, слышь, — струей унесло. —

Старик допекал: — Уза резво бегуча.
Урок лежаку-рыбаку:
Вернешься — тебя хорошенечко вздрючат.
Поменьше кукуй на боку.

А слезы не трать, пригодятся, как видно. —
И мне: — Ты гляди у меня!.. —
И прочь захромал, ухмыляясь ехидно.
И жгло нас, как после ремня.

* * *

Его не любили: всё Мишка да Мишка,
И тем же платил старикан.
Саженный забор, на воротах задвижка,
В саду неусыпный Полкан.

Пудовый замок при калитке — «на случай».
— Жадюга.
— Как есть фармазон... —
А он себе ходит, высокий, негнучий:
Хула гордецу не резон.

Райцентр дивовался: — К чему его мука?
Чем жив человек без забот?
Ни сына, ни дочки, ни внучки, ни внука,
Пошто и на свете живет?

* * *

Мы жили дом в дом. Мне — морока
от деда:
Ни шагу ступить не давал.
Иметь по соседству такого соседа —
Совсем не шутейный скандал.

Он жил низачем, нелюдим и ехиден,
Имел полновесный кулак;
Он был скупердяй. Я его ненавидел
За стыдный подспинный тумак.

Однако у этого самого Мишки
Был садик — сплошной интерес;
Росли там, сочась, не пустяк-яблочники,
Не горечь-лешуга — дюшес!

Однажды, смилив цепняка за ватрушку,
В тот сад ребятня забралась.
И только я взвил на медовую грушку —
Съел дулю полынную:

— Слазь!

Дедйце лохматый, рыженный, как сурик,
Сопел, наподобье коня:
— Взбрался, желанный? Попался,
мазурик! —

И щупал подпоркой меня.

Двурогая жердь — это, ой, неприятно
И очень обидно к тому ж.
Мне так захотелось убраться обратно,
Подальше от всяческих груш!

Я сдался, раскаялся: — Больше не буду!

— Не будешь, не будешь, милок... —
Я крепко запомнил хлестучую уду
И лаптя больнувший клевок.

* * *

Пониже спины у меня позудело,
Пожгло — и отпрянула боль.
По лёту мальчишкам ого сколько дела:
Рыбачь, грибникуй и футболъ.

Наш брат оголец, до футбола гораздый,
Напорист и очень горяч.
Мы сшиблись: мы стаей грачино-горластой
Покромок пинаем, как мяч.

Гоняем со смаком, блажно и блаженно,
Пасуем и пяткой и лбом.
Дремливый заулок вопит оглашенно,
За нами — пылища столбом.

Над нами — в двух радугах — смиренное
небо

И солнышко — ясный сокол.
И вроде бы нету нам дела до хлеба:
Мы сыты, играем в футбол.

Мы лупим! Наш форвард, беспечен
и весел,
Швыряет горбушку:

— Ломи-и!.. —

Я прямо в ворота подачу навесил
И слышу: — А ну подними!

И чую: как будто железные клещи
За шиворот взяли меня;
И вижу: возник старичина зловецкий,
Дорогу в бега заслоня.

Кругом никого: драпанула ватага,
Рассыпалась, точно горох.
— До самого хлеба добрался, бродяга?
Да чтоб ты, скаженный, засох!

Неуж невдомек, что ногой шалыгаешь?
— А вам что за дело? Свой хлеб.
— Болван ты набитый, коль так полагаешь.
Заелся, от жиру ослеп.

Всю жизнь твой отец ради хлеба трудился,
Чтоб жить тебе власть, дуралей.
Да если б он с финской сейчас возвратился!..
Хоть память о нем пожалей.

* * *

Была не была, я не поднял краюшку.
Я рвался, канюча:
— Не тро-онь!.. —

Дед жалился тихо:

— Найдут же игрушку! —

И взял ту краюшку в ладонь.

Замолк. И горбушку обер виновато,
Достал табакерку, в ней — соль;
Он хлеб посолил:

— Не взыщи — хрустковато.

Ешь! Слышишь? Отведать изволь!

— Да это ж — земля, не еда никакая:

Бодяга, не стоит плевка.

— Не рыщайся, батенька, лопай без хая!

— Мне кушать? Нашли дурака.

— Тебе, шалопут. А иначе кому же:

Сам стряпал. Разинь-ка роток...

— Я съем его после: оставлю на ужин.

— Жуй! Живенько, горе-игрок!

Забавишься дико, резвишься не ладно:

Уж бедная, бедная мать...

— Угу! Отпустите!

— Воспринял? Отрадно! —

И тем же лаптюгой — опять.

Я в избу рванул, запустил в него биткой,

Я крикнул:

— Сгорел бы ты, жмот! —

И, хлебом и пылью плююсь за калиткой,

Увидел: он корку жует.

К забору подходит и, крадучись, что-то

Сгоняет со щек рукавом:

— Войди в них о хлебе насущном забота! —

И крестит той коркой мой дом.

II. ПОТЕМКИ

Зеленые, глупые, милые годы,

Не ваша, не наша вина,

Что вы запропали, как в засуху всходы,

Что свет зачернила война.

Не стало ни песен, ни стычек веселых,
Ни доброго плача окрест.
Бездушнее камня в наш любимый поселок
Железный разбойник налез.

Заполз, будто гадина, в русские двери
Из грозной германской норы.
И травы, и древа, и птицы, и звери
Поникли до лучшей поры.

И верное жизни, бесстрашное солнце,
Пресветлую прятало ясь:
То в кровь обагрится, то в дым окунется,
Кощунства войны убоясь.

От грохота стали грома онемели,
Сгорели потоки дождей,
И звезды пригасили, и воды взмутнели —
Так что ж говорить про людей!

С начального трепета, с перворожденья
До самого судного дня
Не ведать землянам такого глумленья,
И тьмищи, и столько огня.

И как ты, земля, это горе вместила
И муки такие снесла!
Как рана сквозная ты вся, как могила,
Как пепел — от злобы и зла.

Нет луга, нет леса, нет речки, нет неба —
О вольная Родина-мать!
Нет черного — самого сладкого — хлеба.
(Как смели мы чуда не знать!)

Понятно, не смели, однако не знали
Его настоящей цены:
Привычный, как воля, всегдашний, как дали,
Ничем был нам хлеб до войны.

«Ничем» — не совсем, да не очень и дорог:
Навроде в колодце вода;
Обычен, как воздух, как ближний
приговор:
Не сладости — просто еда.

Двуглавое лихо, когтистое горе,
Чужбина в родимом дому
Учили нас люто — мы поняли вскоре:
Без хлеба не жить никому.

* * *

Был голод и враг, и сугробы рядами,
И стужа острее ножа.
Мы снегом немецкий «паёк» заедали,
Мы грелись, морозом дыша.

Мы крались туда, где колхозные риги
Когда-то не знали тоски.
Мережились нам каравай, ковриги,
Горбушки и просто куски.

Нам гревилось лето все в скирдах и в гуле.
Гудеж молотьбы на токах.
Казалось, что мы не в суметах тонули —
Купались в ржаных ворохах!

А въявь — подметали пустые овины,
Не брезгали вдовым хлебом;
И, спрятав за пазуху горстку мякины,
Себя веселили: «Живем!»

Мякину мочили, сушили, рубили,
Мякинушку в ступах толкли;
Потом из мякинки похлебку варили,
Еще — колобашки пекли.

* * *

В тот год у задворок, прижавшись
к поселку,

В сугробах, во вьюжном дыму,
Несжатая нива, крича без умолку,
Рыдала в дрожливую тьму.

На «кладбище» это, таясь от злыдней,
Ходили мы жать на заре.
Что может быть горше, больней и обидней,
Чем хлеб на корню в декабре!

Торчат из-под наста колосья, как стрелы:
Взлетят, лишь тетивы спустить,
И ринутся ввысь — за земные пределы
Умчатся. И чем тогда жить?

Какая надежда, какая тут вера,
Какая тут нынче любовь,
Когда автоматы гвоздят у карьера
И поле, как бурая кровь.

Здесь плен и позор, прозябание в страхе,
Пытальня, нещадная боль,
Извечный палач (лишь не в красной
рубахе);
Тут смерть — чужеземцев пароль.

Но это ж морока, неладная думка:
Безгрешна невинная рожь.
Ты дедовский серп достаешь из подсумка
И стебли поникшие жнешь.

* * *

Зима ошалелая долго-предолго
Швырялась метельной бедой.
И все-таки поле набрякло, отволгло,
С живой повстречалось водой.

Сердяга-апрель распахнул телогрейку,
И солнце замедлило бег,
И высь разморозила вешнюю лейку —
Сминает неистовый снег.

Скулят, как щенки, холода под стрехою:
Недолго сосульки сосать.
Толкут вечера под горюшкой сухою
Комарики, искрам под стать.

И тихо-тихонько, и ласково очень
Ерошит скворца ветерок,
И пар, как дыханье, стекает с обочин,
И мир первозданный у ног.

Смеясь над железной пятой караула,
Весна наплевала на плен.

И в луже квакушка уже шуманула,
И всходит крапивка у стен.

С утра до потемок — желанно и ало,
И журки, как бусы, — с высот.
Теперь бы — в поля, где пестов до отвала!
Да немец до смерти прибьет.

* * *

Дошли мы вконец, о-ё-ёй напостились —
Нет мочи. А хлеба все нет...
Уже и ручьи в берега уместились,
Зажегся, зажил первоцвет.

На межах, наверно, кислица — с ладошку
И дудки в лощине — как рожь!
Мы съели б не всё, мы бы так, понемножку...
И рядом, да как тут сорвешь.

А время не терпит, катит себе прямо,
А солнце добрей, что ни день.
И май лучезарит из вешнего хлама —
Пора соловьев и людей!

Уже и земля приготовилась к лету:
Ждет сева земля от людей.
А хлеба ни корки и зернышка нету —
В тифу не бывает лютей.

А тут, размалевана в цвет лягушиный,
В саду маляра, у ворот,
Стоит пузатенная вражья машина,
И надпись на кузове: «Vrot».

Та надпись манила к себе поневоле:
В ней тоже ведь — хлеб, хоть и «брот».
Мы ночью собрались в расстрелянной школе —
Пять душ, в оккупации — взвод.

Григорий скомандовал:
— Смирно! Р-равняйся!
(Он был комиссаром у нас.)
Товарищ Иван, на часы отправляйся...
Всем-всем. Совсекретно. Приказ:

Занять драндулет с продовольственным бротом
И сжечь для отпора врагу!
Удар нанести в ночь двенадцать всем взводом!
И чтоб опосля ни гу-гу!

* * *

Удар угодил, как в окошко полено, —
Вполне подходящий удар.
Машина попалась сухая, как сено, —
Удался веселый пожар...

Сказал комиссар наш:
— Исполнено дело:
Сгорело — и в воду концы.
Спалили на совесть, работали смело.
Спасибо за службу, бойцы! —

Он дал мне буханку:
— Иван обезножел,
Совсем с голодухи того.
Вручи ему брот! Ну а мы переможем:
Потом поедим. Своего.

* * *

Назавтра чуть свет, что исчадие ночи,
Вломилась в наш дом немчура.
Весь в черном, бранился
толмач-переводчик:
— Что делал, звереныш, вчера?..

Чего-то искали, из фляжек лакая,
Маманю секли по щекам;
И в красном углу, под божницей, икая,
Мочился эсэсовский хам.

На улице сонные фрицы молчали;
И сверстники сбились в гурток —
В испуге великом, в недетской печали;
И тишь вопияла:
— Сын-о-ок!..

Но вот и окончены сборы в дорогу,
И унтер, мясистый как фарш,
На лысину каску воздел двоерогу:
— Лос, шайзе!
— Заложники, арш!

* * *

Заложники — десять мальцов, и едва ли
Нам головы нашивать впреред.
А раньше мы хлеб настоящей едали,
Умели смеяться и петь...

Нас взяли. Нас гонят. Хоть бейся, хоть майся,
Не выскользнуть — стража кругом.
А Ванька-то, Ванька! Как крикнет:
— Спасайся! —

Как пустится в поле бегом.

«Не надо спешить», — всколыхнулся верзила
И в брюхо упер автомат;
Лицо его бритым и ласковым было:
— Цурюк! Руссии швайне! Назад! —

Он знал свое дело: он сцапал мальчонка,
Он сбил сапожищем его.
И всхлипывал друг наш тонюсенко-тонко,
И вздрагивал:
— Оиньки-о-о!..

Как белый журавлик, он звал свою стаю,
Шуршал, будто сорванный лист:
— Я к маме хочу! Про машину не знаю...
Не бей меня, дядя фашист!..

Был выстрел не гулче хлопка,
не протяжней:
Как будто кто ветку сломал.
И пахло росой и черемухой бражной,
И солнце курган подымал.

Толмач засмеялся:
— Все это видали?
Не хочет ли кто убежать?.. —
Тот фриц закурил, и нас дальше погнали.
А Ваня остался лежать.

* * *

Бетонные стены, железные двери —
Подвал, как вонючий ушат;
Зубастые крысы — нахальные звери —
На мокром полу верещат;

Изгрызли все нары, совсем очумели:
Сожрали мои сапоги.
Коптилка из гильзы; ни выюшки,
ни щели —
Лишь слезы да ржавь со следи.

С неделю мы жили кроменшно и люто,
Не видя ни ночи, ни дня.
И вдруг отпустили ребят почему-то.
Оставили только меня.

Мне волю сулили, мне хлеб обещали,
Пошли соленой водой,
И клясться велели, и богом стращали...
С тех пор я, как выюга, седой.

* * *

Не знал я, что страхи — всего лишь
полстраха,
Пока не остался один:
И дверь, как секира, и нары, как плаха,
И крысы скрежещут: «Съедим!..»

Текла чернота, каменела, змеилась:
«Хоть кто ты, хоть как разудал, —
Один ты, один — не надейся на милость:
Пропал ты! Пропал ты! Пропал!..»

И весь я пляшу, и по смертному краю
Иду, и дорога пряма.
Я весь онемел — даже крыс не туряю;
Мне трогает волосы тьма...

* * *

Очнулся я тише изловленной мыши,
Без мыслей, без воли, без сил.

Тевтоны топтались у самого дома.
(Те вороги — этим под стать.)
Я был председателем хуторревкома,
Имел и наган, и печать.

В почтении был — доложу
без бахвальства,
Событиям в корень глядел.
Со мной не гнушалось большое начальство
Входить в положение дел.

На хуторе нашем пшеница хранилась —
Три тысячи двести пудов:
Награда труду, упование и милость,
Надеюшка сирот и вдов.

Разбойники сеяли смертное семя —
Огонь и свинец — в чернозем.
Сказали мне наши: «Уходим на время,
Иначе в котел попадем.

Редеют геройские красные роты
Под натиском прусских штыков.
И нет на сегодня главное заботы —
Зерно уберечь от врагов!»

* * *

В степи пулеметы пришельцев частили,
Сжигая и ночи и дни...
А наши меня на восток не пустили,
Велели:
— Пшеницу храни!

— Хлеб в целости будет — крестьянское дело.
Спаси вас господь от огня!..—
А утром — еще и рассвет не успело —
Забрали германцы меня.

Схватили хозяйку и дочку схватили,
И Митю,
И хату зажгли.
Нам руки связали и ноги скрутили,
И всех на майдан сволокли.

Блажной офицерик, тонкущий, как спица,
Пискляво брунжал:

— Растопчу!

Куда из амбаров девалась пшеница?—
Что мог я ответить? Молчу.

Молчу я три дня, и молчу я три ночи.
И выдумал проклятый тать:
— Поскольку вы есть неговорчивы очень —
Мы будем вас хлебом пытать!

За стол усадили, к скамье привязали
И внука, и дочь, и жену.
И гору на стол поляниц набросали.
А тронь-ка хоть крошку одну.

Белела, душистая, близкого ближе,
Гора недоступная та.
Я денно и ночью доныне их вижу,
Те ломти — как локти у рта.

И день, и неделю, и целую вечность
Пред хлебом держали семью.
Дивились тевтоны:
— О русс бессердечность!—
А я на коленях стою.

Дивились, ругались, просили, корили,
Грозились отдать палачу.
Что день — меня злыдни насильно кормили.
Что мог я поделать? Молчу.

Старуха молилась, дочь слала проклятья,
А внучек все хлебца просил...
И кто это выдумал: люди все — братья,
Какой фарисей возгласил?

* * *

Потом, когда больше на свете не стало
Ни Мити, ни дочки с женой,
Решил офицер:
— Этим голода — мало. —
И взвился огонь предо мной.

— Развязывать рты мы надежно умеем,
Хоть ты и молчун, и хитер...
Разуть его! Пятки на углях погреем. —
И взял мои ноги костер...

А в ночь они драпали борзою рысью:
Ударил отмщенья час.
Не выстрелил враг:

— За хлеб — пытка жизнью:

Живи, чтобы помнить про нас!

Да, наша земля приняла поруганья.
Но верит! Стоит! Не раба!
— А ноги-то как же?
— С того сожиганья
Мне лапти судила судьба.

Вестимо, обувка не больно нарядна,
Зато в ней безбольно для пят;
В лаптях, как в бинтах, — и спокойно,
и ладно,

И шрамы не дуже горят.

С тех пор я покинул родиму-Украину,
Живу здесь и лапти ношу,
И зло ненавижу, и век не остыну,
И правде по правде служу.

И знай, мой Димитрий, — за верность
и смелость

Любил тебя дед Михаил.
А грошей касательно — деньги имелись:
На Памятник Хлебу копил.

Не нынче, так завтра ты будешь на воле, —
Мать-землю сыру поцелуй,
Шепни: скоро цвеств тебе, мертвое поле!
Воюй, да с войной не балуй!

* * *

В то лето сбесилась, рехнулась погода:
Жарынь да жарница одна.
И если б не кровь да не слезы, природа,
Наверно, иссохла б до дна;

Наверно бы, небо сгорело, как порох,
Земля бы от зноя спеклась.
Тем летом не только гранит на угорах —
Тень вязкая огненно жглась.

А к этому дню воскрешенье свершилось,
Дождем проливным припустив.
Всю ночь небо грохало, лило, светилось,
Неистовый жар укротив.

И утро проснулось большим и веселым,
Прохладой залив оком.
И солнце не жгло — согревало поселок,
И травы кипели: живем!

Всем только и жить бы, надеяться, верить,
Отраду в домах привечать!
Да вражьи приклады забахали в двери.
И плакала бедная мать...

Искали везде: никого не забыли —
Пригнали на поле, к леску.
Не шибко кричали, почти что не били —
«Культурно» вгоняли в тоску.

Вокруг широко и торжественно было,
Окрестность покой окружал.
Под сникшей осиной желтела могила,
И лист на осине дрожал.

И полдень дневал расхороший без меры,
И жалость дрожала в листке.
И пачкали хром господа офицеры —
Германский — в российском песке.

* * *

Его привели и поставили к яме
В разливе июльского дня.
Он, прежде могуч, неразлучен с лаптями,
Сказал нам:

— Простите меня!

Сердца берегите, себя не страшайте,
Не помните старой вины. —

И до земли нам поклонился:
— Прощайте,
Дочушки мои и сыны!

И ввысь поглядел. И в лице ни полтучки,
Что в небе, — лишь ласковый свет.
И лемех от плуга на ржавой колючке,
Как щит, был на шею надет.

И красною краской на лемехе черном
Начертано: «Я — партизан».
И словно литые пшеничные зерна —
По шее. На пашню. Из ран.

И поднял он руки, в железо одеты,
И принял с усмешкой свинец.
И брови косматые строжили деды,
И бабы зывали:
— Отец!..

III. ЖИТЬ БУДЕМ

С петлею на шее, кровава седины,
Неволею смрадной дыша,
Не день и не месяц — четыре години
Ждала, не изверясь, душа.

На что уповала ты, мукой объята?
Какого спасенья ждала?
Но — даже распятая — верила свято,
Затем что душою была.

Молящие руки, скорбящие очи,
Разгул пепелящего зла,
Гнетущий позор, леденящие ночи
Душа, изнывая, снесла.

И встала, дни мирные благословляя,
Святая на грешной земле, —
Суровая, чистая, злинкой не злая,
В прискорбии, в прамах, в золе.

Велела: все вылечит времени замять,
Прошедшего не воскресить.

Всем павшим и сгинувшим вечная память!
Всем сущим завещано жить!

Жить надо, жить будем, а как же иначе —
Май властвует: «Сеять пора!
Я тут ненадолго. Всем сущим удачи!»
А вокруг — ни кола, ни двора.

А сущих в поселке набралось не дюже —
Всего-то сто душ с небольшим:
Детва да бабенки, без батьки, без мужа,
Бездомных. Но май нерушим.

* * *

Шел май — чудодей сорок пятого года,
Столетия двадцатого бог.
Удушенный мир врачевала Свобода,
Сводила потери в итог.

Еще прорыдали на каждой могиле,
Повсюду — железо и грязь,
И голод. Но люди живые бродили,
Дышали — дышать не страшась.

И небо не «юнkersы» жгли — светозорья,
И жизнь уж не мачеха — мать!
В воскресный денек, без печали и горя,
Пошли мы щавель собирать.

Стучалось легко и неслышно сердечку,
И солнце играло: «Встаю!»
Пришли мы на Узу, вступили на речку —
На главную нашу струю,

На берег, где выпало счастье родиться,
На диво живое в горсти,
На ту магистраль, у которой водица
Поможет себя обрести.

Зажжет тебя далью тропа вдоль откоса,
Встревожит зазывчивый дрозд:
Проляжет большак от заглохшего плеса,
От детства — на тысячу верст.

Все помнит мать-Родина, ведает, видит
И любит нас поровну всех:
В добре не обделит, в беде не обидит;
Ей горе — содеявший грех.

* * *

Был полдень, наверно, а может — и позже.
Палили былье за рекой.
В воде смолянистой ни бега, ни дрожи,
Ни плеска, ни всплеска — покой.

Еще не пробились на волю кувшинки
Для ласки, для солнечных дел,
Но дым в сухотравье горчил, как поминки,
И лес уже платье надел;

И время размаяло зверя и птицу;
И — шлепай по гладень-песку!
Но мы собирали не просто кислицу —
Щипали на жизнь по листку.

И вот, посредине приречного луга,
В низинке, где цвел курослеп,
Машину добыли мы — лемех от плуга, —
С него начинается хлеб.

Сказал нам Григорий:
— Находка что надо:
Ручаюсь хоть чьей головой,
Что будет правленье довольно и радо!
Кончайте вожжаться с травой!

* * *

Полдюжины плугов осталось в колхозе
Да пара заезженных кляч.
А поле вспаши, хоть угрохайся оземь,
А сеяться надо, хоть плачь.

А силы не лишек: без ветра качало
С харчей «витаминных» сельчан.
Конечно, и травка — еда для начала,
Когда бы — краюху к тем щам.

Нет в мире сравнения с хлебом насущным,
Хоть он незаметней всего.
И ныне, и в солнечном нашем грядущем
Да светится имя его!

Но хлеб, как дитё, — его вынянчить нужно.
А чем он отплатит — бог весть...
В плуг пятеро женщин впрягались дружно.
О русская доблесть и честь!

В поля поспешали ранешенько-рано, —
Как деды и прадеды встарь,
На совесть вели борозду, без изъяна, —
И в зной, и в дождливую хмарь.

Работали все, от велика до мала,
Земле отдавались совсем.
Нам вера с любовью сердца согревала.
Вот так бы! Теперь бы! Да всем!

* * *

Мудрейшее дело, пречестное дело,
Бессмертное дело —
Страда.
Тебе ни границ, ни преград, ни предела,
Безмерное счастье труда.

Мирское горенье, крылатая радость,
Людей работающих родство
И тихой усталости терпкая сладость —
Простого труда естество.

От жизни не скроешься за поворотом,
Не спрячешься в частых кустах.
Рубахи и кофты, беленные потом,
Шершавая соль на устах;

Невеста босая, седая вдовица,
Младенец, бредущий в пыли:
Ветрами и солнцем дубленные лица —
Прекрасные чада земли.

Нагрелись чапыги, впаялись в ладони,
В глазах кипятковая хмарь...
Ах времечко-бремечко, бабоньки-кони,
Дружище мой — Гриня-плугарь!

* * *

Двадцатого мая победного года,
Чуть в поле проклюнулся день,
Проснулась, взошла, задышала работа —
Пахали пустырь под ячмень.

Пахали, заклекую землю вздымали
Простым агрегатом — горбом.
Тяжеле работа бывает едва ли,
Чем пахота та под бугром.

Гудело в ушах, каменели колени,
Скрипели, трещали хребты.
А нам — ни унынья, ни страха, ни лени:
Не будет земли-сироты.

А ветер все тише, а солнце все выше, —
На речке б мальчишкам блажить...
В июне шестнадцать бы стукнуло Грише,
До паспорта — месяц дожить.

Да вот не отпраздновал красную дату
Вожак наш и наш комиссар:
Разверзлась земля, покатила по скату,
И дым хлопбытнул, и удар!

И небо обрушилось глиняным градом,
И день содрогнулся: «Я жив?..»
И страшно молчали с Григорием рядом
Пять женщин, свое отслужив.

И в бурой воронке, вся в красном тумане, —
Мой суд и спасенье мое, —
Раскинувши руки, лежала маманя,
И Гриша глядел на нее.

* * *

Смерть смертью поправшим вселенская
память —

Преславней любого венца.
А жизнь не убить, хоть легко ее ранить,
Обидеть, — все нет ей конца.

И мы, хоть в каких передрыгах пребудем,
Жить будем во веки веков.
Такая уж доля назначена людям
Землею. Закон уж таков.

Все вечное мчанье, — хоть гладь, хоть ухабы, —
Трясись, ошалело лети...
Жизнь жить заставляла: отплакали бабы, —
До слез ли тут — сев впереди.

Крестьянское сердце, заботное сердце,
Кровь буйная робко-смирна,
Ведь было без хлеба тебе не согреться,
Но ты не сожгло ни зерна.

Дрожало дрожмя изнемогшее тело,
И пек его черный огонь;
А сердце терпело, а сердце велело:
До время — до сева не тронь!

Большие, как поле, надежные души,
Родные, как Русь, имена.
Ничто не могло вашей воли порушить —
Наестся, убив семена:

Ни голода муки, ни смертная участь,
Ни слезы зачехших ребят.
Хранили зерно, дожидаясь и мучась,
Потупивши горестный взгляд.

Теперь же — без просьб, без речей, без приказа,
Без всяких посул и угроз —
Несли: кто мешок, кто карман, кто полтаза;
Кто — рожь, кто — горох, кто — овес...

* * *

Грех плакаться: Родина нас не забыла —
Прислала коней и зерна.
И люди вздыхали: «Что было, то было»,
Баюкали память: «Война».

Из плена спасенные добрым народом,
Обласканы ярой грозой,
Поля откликались неистовым всходом,
Смеялись пречистой росой.

Дышала земля, чудотворство свершая,
Сердца человечьи родня,
Считала денечки до дня урожая —
До самогожданного дня.

И чуткими ночками, будто жар-птицы,
Остиночки не опалив,
Тревожно и любо играли зарницы
И нежили хлебный разлив.

И свежие срубы притихшей отарой
Являлись при вспышках зарниц.
И пахло волнующе хлебной опарой,
И брызгало светом жар-птиц.

Цвели хлебозорки, светило трудилось,
И дождик в достатке кропил...
И вот оно — сбилось, достигло,
свершилось —
Свет-август на ниву вступил!

* * *

Жнитво! Работяг зачерствелые руки,
Заступа родимых полей.
«Жить будем! — твердили серпы
по округе. —
Жить будем, лишь рук не жалей!»

Строчила косилка, жужжали две жатки,
И косы гуляли окрест.

Все выжав из рук, жал народ без оглядки,
Неся лучезарно свой крест.

На ниве дурить не умели, не смели:
Ни сноп не сгубили, ни злак.
Не с водки-вина — от работы хмелели.
Вот всем бы! Теперь бы! Да так!

* * *

Листва в догоранье, сентябрь на исходе —
Остуда, прозренья, светлынь,—
До новой весны усыпленье в природе.
Душа, от забот поостынь.

Не синь — голубень, журавлиные клики:
О даях, о прожитом грусть.
Тяжелые руки, усталые лики.
Вдохни, запаленная грудь.

Задумки — большие и малые, — сбудьтесь,
Гость светлый, взойди на крыльцо;
Тревоги, улягтесь, печали, забудьтесь,
Улыбка, возрадуй лицо.

Не будет разлуки: в грядущем —
лишь встречи,
Свершения, годы и труд.
Оно не изменит, оно недалече —
Что сущие счастьем зовут!

Себя не горюньте, других не корите:
Чиста она, совесть, у вас.
В амбары идите, зарплату берите:
По гарнецу жита — аванс.

* * *

Сладчайшие дымы кружили в поселке,
В загнетках сияли угли:
Времянки, избенки, землянки, светелки —
Все новые хлебы пекли.

Хоть было стучать тебе больно и страшно
В папучих когтях декабря, —
Ты верило, вешее сердце, не зряшно,
Ты знало: за ночью — заря.

Ты воли, ты нового хлеба дождалось,
В былом не сгорело былье.
И что там мозоли, и где там усталость,
Когда караван в жилье.

Они воздымались, как солнца большие,
Дышали на мытых столах, —
Свои насовсем, ни чуть-чуть не чужие.
Хлеб — правда о наших делах.

Не отнят, не выпрошен, не уворован —
Своими руками рожден;
Самою землей за раденье дарован.
И радость на лицах — дождем.

* * *

В обнимку, траву в инеёк наряжая,
Злат листья сыпая в кошли,
Грустила-октябрь и День Урожая
На тихую землю пришли;

Пришли, протянув расторопные руки,
У всех застучали ворот,
Позвали: «Отпразднуем, верные други, —
Заслужен твой праздник, народ.

Все миром скорбели, трудились все вместе,
Идите к веселым столам:
Всем поровну места, всем поровну чести,
Хлеб-соль и вино пополам!»

Народ не рядился, народ нарядился —
Веселье в чести на Руси, —
Не мешкал: сбегался, съезжался, сходился.
Все в клубе — проси не проси.

* * *

И праздник пошел, обрывая постромки,
Вчерашнему лиху назло.
И два гармониста в две любушки-хромки
Гремели, аж небо трясло!

И в круге солдатик — защитник народа —
Ногой-деревяшкой стучал.
О дети России, родная порода,
Край отчий — начало начал.

Пол ахал, крестились блаженно старушки, —
Веселье! Народу битком!
И пела вдова-голосунья частушки,
И выюжила белым платком...

— Ну дала! Ну Дарья!..
— Что пляшем, что пашем!..
Но встал председатель:

— Друзья!

Пойдемте на поле, поклонимся павшим:
Сегодня иначе нельзя.

Они — за селом, не в сторонущке дальней. —
И мне:

— Ты оделся б, сынок. —
(Он стал мне отцом с той поры
горевальной.)

Он первым шагнул за порог.

* * *

Мы шли за поселок примолкшей дорогой,
Где шли они жизнь защитить,
Где деды ходили с сохой тупорогой,
Где детям и впукам ходить.

На воле смиренная осень стояла,
Туманясь пригашенным днем.
И только рябина да куст краснотала
Горели кровавым огнем.

Средь озими ярой, на ласковом месте —
На взгорке, — как восемь постов,

За смертной оградой — все рядом,
Дежурили восемь крестов. все вместе —

Не в пашне — в Земле, под небесною
Нашли и приют свой, и кров крышей,
Григорий, и мама, и дедушка Миша,
И Ваня, и четверо вдов.

Исполнившим долг свой не надобно стонов
(И слезы по ним — не вина):
Навеки — среди двадцати миллионов —
Означены их имена.

А вам, люди добрые, делу и дому —
Завидная доля и даль!
Сердца не горюйте. Но сердцу живому
Не дадено вынуть печаль;

Не дадено сердцу утратить утраты,
Забиться, тем более — здесь.
Смахнули слезу старики и солдаты
И — «смирно!», и отдали честь.

Заохали бабы:
— Родные, простите,
Что вас не сумели сберечь!
Мы целы остались, за то не судите...—
И сторож сказал свою речь:

— Вы точно и правильно жизнь разумели,
Не знали собой дорожить:
Радели о близких, о долге, о деле.
Вот всем бы! Да так бы служить!

* * *

Косматилась тучина аспидной гривой,
Бил луч в нее, сумрак разя.
И час поминальный, и праздник счастливым
Скрестились — людская стезя.

Людская судьба — не дорога во поле —
По жесткой земле пролегла.
И зябко от ветра, и жарко от воли,
И сизая светится мгла.

И кроткому лугу муравушка снится,
Добрынюшка — песельник-май.
И теплятся скорбью открытые лица,
И сердце полно через край.

Простор без конца в рыжине горьковатой,
Багровый, как знамя, заход.
И зрелое семя
Над каждой утратой
С лихвою — в свой срок — оживет.

СОДЕРЖАНИЕ

Русь звездная	3
Канун. Из поэмы «Плач по Красухе»	4
Набат	14
Беженцы	15
На поле боя	16
Переход	17
Разведка	17
Поездик	18
Родное	19
Зимняя дорога	19
Стихи о Любви Смуровой	20
В новогоднюю ночь	20
Последний большак	20
Буря	20
Москва	21
Трифон	22
26 сентября 1943 года	24
Мать	25
«На последнем своем берегу...»	25
Засада	26
На привале	27
В госпитале	28
«Последний выстрел замирает...»	29
Победа	30
Трипеснец	31
Красуха в сентябре 1943-го	31
Плач по Красухе	32
Красуха	34
После войны	35
Возвращение	36

Иваны да Марьи	37
«Сверху — с клена — льются листья...»	38
Память	39
«Откуда в ней столько живого...»	40
Сево	42
Воробьевы горы	43
Заклятье	44
Перед летом	47
Свидание	48
«Это очень много...»	48
Двести первая верста (поэма)	49
Стезя (поэма)	77

Игорь Николаевич Григорьев

УЙТИ В ЗАРЮ

Стихотворения и поэмы

Заведующий редакцией А. И. Белинский
Редактор Г. С. Морозов
Младший редактор Л. В. Скрипниченко
Художник В. Б. Мартусевич
Художественный редактор И. В. Зарубина
Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор Н. Н. Фоменко

ИБ № 3645

Сдано в набор 05.04.85. Подписано к печати 10.07.85. М-35794. Формат 84×100^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарн. обычн. нов. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,85. Усл. кр.-отт. 6,34. Уч.-изд. л. 5,63. Тираж 25 000 экз. Зак. № 862. Цена 75 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Григорьев И. Н.
Г83 Уйти в зарю: Стихотворения и поэмы.— Л.: Лениздат, 1985. 117 с.

Лирика И. Григорьева насыщена густой метафоричностью, самобытной образностью, а истоки его поэтической речи тянутся в духовных пластах русского фольклора.

Особое место в сборнике занимают произведения, раскрывающие высокую нравственную суть того поколения советских людей, которое непосредственно участвовало в освобождении Родины от фашистских захватчиков, проявив массовый героизм и мужество, стойкость и благородство характера. К этому поколению принадлежит и сам поэт, участник партизанского движения на Псковщине.

Г 4702010200—205
М171(03)—85 206—85

84.3(2)7

В 1986 году
В ЛЕНИЗДАТЕ
ВЫЙДУТ СЛЕДУЮЩИЕ
ПОЭТИЧЕСКИЕ КНИГИ:

Светлана Молева
БЕЛЫЙ БЕРЕГ

Владимир Лахно
ГОЛОСА НА ДОРОГЕ

Виктор Максимов
СОКОЛИНАЯ ЗАБАВА